

Павел Мамонтов

Княжий посол

АЛЕКСАНДР

МАЗИН

ЦИКЛ "ВАРЯГ"

16+

Варяг

Александр Мазин

Княжий посол

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мазин А. В.

Княжий посол / А. В. Мазин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Варяг)

Прошло полтора года с момента, как Данила Молодцов заснул на лесной полянке, а проснулся... в Древней Руси. Теперь Даниил Молодец, как прозвали его соратники, отлично владеет холодным оружием, у него есть друзья и даже невеста. Но главное, молодой варяг доказал не словами, а делами: он достоин войти в число тайных княжьих посланников. Теперь Даниле предстоит служить князю Владимиру, выполнять сложные и опасные задания. Первое из них – посетить с секретным поручением царя Романа, который живет в Преславе, столице Булгарии. Данила сделает все, чтобы справиться с возложенной на него миссией. Только после этого можно поразмыслить, что же делать дальше: попытаться вернуться в свое время или остаться с теми, кто успел стать ему по-настоящему дорог в древнем мире...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Павел Мамонтов, Александр Мазин

Княжий посол

Часть первая

За морем

Глава 1

«Лебедушка»

– Я вернусь, – прошептал Данила Молодцов своей невесте, провел ладонью по русым волосам. Улада стояла перед ним в халате, не древнерусском, а обычном, из двадцать первого века, синтетическом вроде даже. Она ничего не ответила, только скинула одежду с плеч и осталась совсем голой. Данила улыбнулся, ласково коснулся щеки, глядя в ее глаза. Они вдруг сменили цвет, из темно-карих с зеленой каймой стали ярко-голубыми. Лицо Улады неуловимо изменилось, вместо него возник облик другой девушки, совсем юной.

– Даниил! – прошептали нежные алые губы.

– Ай! – Данила вздрогнул и обнаружил себя на палубе «Лебедушки». Надутый ветром парус шуршал над головой, по бортам шипела вода, сбегаящая пенными усами, торговая ладья уверенно держала путь в Булгарию. На коленях у него лежала его броня: кожаная куртка с пришитыми железными бляшками, чисткой которой он и занимался. Блин, сморило посреди дня, вчера пришлось полночи выгребать веслами, чтобы не попасть в середину шторма. Повезло – шквал прошел мимо.

– Что, Даниил, опять приснилось, что русалки за уд дергали? – весело спросил длиннорылый варяг Шибрида, разминая кисть, удерживая длинную палку, тем же самым занимался Скорохват.

– Да ну тебя! – проворчал Данила; приключения, случившиеся с ним прошлым летом, стали устойчивой темой для шуток. Он мотнул кудрявой головой, окончательно просыпаясь.

«И ведь сам им рассказал всю историю», – ворчливо подумал Молодцов, вновь принимаясь за чистку доспехов.

Ладья славного купца Путяты Жирославича, с говорящим названием «Лебедушка», уверенно держала нос по волнам и, влекомая попутным ветром, легко делала больше пяти узлов в час без помощи экипажа. Все благодаря твердой руке кормчего Вуефаства, варяга по рождению и обережника по профессии. Старый варяг, седые усы которого опускались ниже подбородка, обладал непререкаемым авторитетом и считался вторым в обережной ватаге после батышки Воислава. Вуефаств был настоящим морским волком, его суровое морщинистое лицо было обветрено всеми морскими ветрами, а еще он обладал таким пронзительным взглядом тускло-серых глаз, который пробирал любого: хоть дикого волка, хоть отморозенного нурмана.

Батяка обережников, Воислав Игоревич, в это время стоял на носу ладьи, взгляд его синих глаз, как и положено вождю, был устремлен вперед. Он был очень похож на своего кормчего, что неудивительно, поскольку они были родственники. Только Воислав был лет на двадцать младше и усы его были темно-синими, знак особого положения среди варяжского братства. Прямой нос, уверенный подбородок, благородное лицо человека, привыкшего приказывать. Только под его рукой оказалась почему-то не княжья дружина, а ватага купеческих охранников – обережников, в тринадцать человек. Зато каких обережников!

Пока Данила, которого друзья и соратники окрестили Даниил Молодец, занимался доспехами, вокруг него кипела работа. Приказчики и челядь Путяты перебирали товары, проверяли, не попала ли вода на драгоценные меха, чистили и готовили снасти, стряпали еду. Словом,

работы в плавании было полно, тем более чем еще заниматься. По левому плечу от Данилы пофыркивал Грозомил, вороной статный жеребец с атласной кожей, доставшийся варягу Клеку перед самым выходом в море. Его брат Шибрида как раз собирался начать потешный поединок с другим старшим обережником – Скорохватом на палках. Клек же чистил своего скакуна пучком соломы, тот пофыркивал и переступал копытами – застоялся конек. Клек в нем души не чаял, а уж как конь ему достался, о том целую историю рассказывать нужно, он сам заботился и ухаживал за ним, ну и в этом была дань уважения остальным обережникам – конь в ладье все-таки комфорта не добавлял. Грозомил такого отношения стоил, кроме статей, он еще отличался умом и характером, что очень важно для боевого коня, абы кого к себе не подпускал, но с Путяттой, Воиславом и другими обережниками поладил сразу, чуял, с кем ему придется исполнять профессиональный долг.

Оставшиеся охранники занимались более прозаичным делом – чисткой и полировкой доспехов. Данила макнул тряпочку в миску с мокрым песком, потер ею очередную железную бляшку на куртке, затем провел несколько раз сухим лоскутом кожи и повторил все заново уже в ...надцатый раз. У старших обережников: братьев-варягов, Скорохвата, Воислава, Вуефаста, доспехи на порядок лучше: чешуйчатые панцири, пластины один к одному, вдобавок смазанные жиром и покрытые специальным лаком от ржавчины. Так что и чистить их практически не нужно было, и доспех этот защищал от ударов гораздо лучше, зато и стоил соответственно. Но и за свою простенькую броню Молодцов тоже отдал немалых денег.

«Ничего, – утешал он себя, – в Булгарию приплывем, я тоже себе доспех как-нибудь тюнингую».

– Ну что, готов? – мощным раскатистым голосом поинтересовался Шибрида.

– А то, – ощерился боевым оскалом Скорохват.

Воислав обернулся, глянул мельком на своих людей и снова стал наблюдать за морем. Что он там хотел увидеть: пиратов или возможное будущее? Последнее вряд ли, потому что урожденный варяг, воин с многолетним опытом, убивший своего первого врага в тринадцать лет, и сын воина-язычника, Воислав Игоревич был крещен.

Остальной экипаж и даже обережники с Путяттой прервали свою работу, чтобы посмотреть на бой.

Шибрида повел плечами, качнулся и неожиданно прыгнул. Стоял на месте, и вдруг – раз, он в двух метрах впереди, только сухой треск раздался, с которым палки соединились над головой Скорохвата. И почти сразу же снова: трррах, палки соединились уже в районе паха южанина. Скорохват чуть качнулся, затем, опираясь на палку соперника, выбросил свое «оружие» в молниеносном выпаде. Шибрида отступил, отвел палку соперника красивым спиралеобразным движением, но дистанция между ними восстановилась, и следующей серией ударов они обменялись на равно опасной дистанции.

Данила, понятно, ничего не видел из всех этих комбинаций, только размазанные очертания движений и самих соперников, порой замирающих, ищущих слабину друга. Клек перестал чистить коня, вместе с Грозомилом стали наблюдать за поединком.

Скорохват чуть наклонил голову, едва ли на пяток сантиметров переместил стопу, Шибрида стремительно атаковал, стук, треск, и соперники опять разошлись. Да, они были равны друг другу, и по силе, и по мастерству примерно одинаковы, обоим качка ладьи ничуть не мешала, как и валявшиеся вокруг предметы. В движении и Скорохвата, и Шибриды угадывалась одинаковая школа, что неудивительно, поскольку оба они были обучены обоерукому бою. И вроде оба они словене, говорят на одном языке, дерутся одинаково, но такие разные. Братья-варяги, родом с Севера, из тех краев, откуда пришла Русь и стала править Киевом. Причем варяги они по крови, как и батька Воислав, а не принятые в воинское братство. Усы Шибрида и Клек носили длинные, рыжие, подбородки брили начисто. Черты у них были суровые, резкие, скулы, брови выступали вперед, как у скандинавов. Лицо Скорохвата было круг-

лое, подбородок, скулы невыразительные. Родом он был из полян – словенского племени, что живет близ Киева, оттого его порой называли Южанин. Скорохват был русоволосым, носил короткую бородку и две длинные косицы, которые скручивал на голове, чтобы не мешали. Глаза Шибриды и Клека были голубые, как лед варяжского моря, а у Скорохвата карие, как кора дуба на священном капище. Но все они были обережниками, спаянными в единое воинское братство.

Меж тем темп тренировочного боя взвинулся. Стук палок раздавался с частотой стука копыт коня, скачущего по деревянной мостовой. Обманным маневром Шибрида показал, что будет двигаться вправо, на самом деле качнулся влево, одновременно перебросил палку из левой руки в правую. Хоп... едва не достал Скорохвата. Южанин отшатнулся, чуть не потерял равновесие, то ли специально, то ли случайно пинком запустил пустое ведро в Шибриду. Варяг легко поймал снаряд в воздухе, ничуть не смущаясь, нанес им удар. Скорохват уклонился, подбросил ногой моток канатов, контратаковал им. Обережники обменялись серией ударов своим новым «оружием», каждый из которых нанесен в полную силу и, не будь заблокирован, мог нанести серьезную травму. Настоящему мастеру не важно, что у него в руках, он всегда останется воином, потому что главное его оружие – он сам.

– Ставлю ногу на Скорохвата, два к одному, принимаешь? – азартно спросил Будим, напарник Молодцова по гребной скамье.

Данила отрицательно мотнул головой, он в самом деле не мог определить, у кого из бойцов преимущество.

Шибрида наступал, крестя ударами, Скорохват не пятился, а старался обходить соперника по кругу. Также обоим качка не была помехой, для Шибриды и Скорохвата прыгающее седло или играющая под ногами палуба были привычной опорой для боя. Более того, кто смог научиться биться на такой неверной поверхности, на твердой земле будет вдвое сильнее!

Скорохват махнул связкой канатов, захлестнул руку Шибриде, дернул на себя. Варяг долю секунды напрягся, а потом рванул вперед, замахиваясь деревянной кадкой. Южанин успел отпрыгнуть, встретил удар своей палкой.

Брааххх!

Ведро не выдержало использования не по назначению и разлетелось от столкновения в щепки. Среди челяди и приказчиков послышались вскрики: кому-то деревянные обломки попали в лицо.

– Это что такое! – Голос, как громовой раскат, разнесся над палубой. Синие глаза едва не метнули молнии.

– Я... так мы это... батька.

Двадцатипятилетний варяг, не боящийся ни нурманского копья, ни печенежской стрелы, заробел, как отрок.

– Чужое добро ломаем, силушку девать некуда? – нахмурил брови Воислав.

Скорохват обернулся, покаянно встал рядом с Шибридой, вдвоем они напоминали набедокуривших детей перед... батькой.

– Ну ничего, я вам помогу. Бегом по скамьям. Вуефаст, дай нам хороший ритм, чтобы кровушку разогнать!

Воислав сам, не чинясь, сел за первое весло от носа, самое длинное в ряду. Данила полностью одобрил идею батьки, размять мышцы хотелось. Он бережно сложил свою броню в сундук под скамьей, напоследок пожелав купцу, продавшему ее, что-то вроде: «Чтобы ты из бороды своей так блох выискивал, как я броню от ржавчины отчищал», достал оттуда же перчатки, сел рядом с Будимом.

Недалеко фыркнул Грозомил, стукнул копытами; бедняга, ему так не развлечься. Ничего, совсем скоро Дунай, а там и Булгария.

Бонг! – донесся с кормы «Лебедушки» звон бронзового била.

Десятки могучих рук подняли весла, отлично сбалансированные, они будто сами собой описали полукруг, ухнули в волны. Обережники в унисон напрягли спины, толкнулись ногами, качнулись назад и передали свое усилие ладье. Та сразу ощутимо прибавила в скорости, плавно взмыла на гребень набежавшей волны и так же скатилась с него, ускоряясь, Вуефаст все-таки отличный кормчий.

Бонг, бонг – звенело с кормы бронзовое било, которым Вуефаст задавал ритм.

Обережники били веслами воду, семипарная «Лебедушка» взмывала и опускалась, продолжая свой полет, нос корабля рассекал волны, соленые брызги летели в лицо. У Данилы замирало сердце, когда их ладья скользила вниз с волны, но он, как и Будим, с веселым криком-рыком все равно тянул на себя весло. Чистый драйв. Очень скоро грести не было нужды, ладья и так неслась с предельной скоростью, но обережники все равно работали всеми семью парами весел, чтобы через них ощутить всю колоссальную мощь соленых валов, всю силу многотонного корабля, перешедшую в скорость, отчасти самим стать этой скоростью. А потом батя приказал остановиться, и весь экипаж разместился по своим местам, переживая потрясающее плавание на разогнавшейся во всю мощь «Лебедушке». Все, включая рабов-челядинов и даже коня Грозомила, боялись шевельнуться, чтобы не спугнуть эту невыразимую смесь эмоций, созданную скоростью корабля и самой стихией. Купеческая ладья стремительно пересекала море, направляясь к Дунайской Булгарии, где обережников ждали новые приключения. Море – это не река, а целая стихия, которая обладает своей силой и... волей. Пока что Черное море благоволило путешественникам; впрочем, так его назовут спустя пятьсот лет, сейчас все народы его называют Русским.

Ветер стал успокаиваться, напоследок разогнав тучи и подарив экипажу возможность любоваться дивным закатом светила прямо в водяную гладь. Ночью распогодилось, и отголоски шторма, который «Лебедушка» и обходила, стараясь держаться ближе к берегу, но не вплотную, иначе налетевший шквал мог в щепки разбить корабль о камни, – перестали ощущаться.

Море успокоилось, превратившись в почти ровную гладь, тучи развеялись, открыв взору потрясающий небосвод из множества звезд, которые отражались в водной глади. Это не было помехой, наоборот, так даже лучше, проще ориентироваться будет: что Воислав, что Вуефаст знали звездную карту как свою мозолистую ладонь. Оно, конечно, понятно, купец Путята нанял Воислава и всю его ватагу, то есть формально он был главным на ладье, но во время плавания последнее слово всегда оставалось за батькой обережников. Тем более у них сейчас не обычное торговое путешествие, а... какое – об этом лучше не болтать, даже на ладье.

Хоть Вуефаст был и отменным кормчим, у морской стихии всегда имеется свое мнение. Поутру выяснилось, что «Лебедушка» пролетела мимо Дуная километров эдак на пятьдесят. Минус день пути.

Глава 2

Радужный прием

– Молниерукий, это там не порт Констанции виднеется? – воскликнул Шибрида, указывая рукой на юго-запад.

– Может, и он, – пожал плечами один из приказчиков, – зайдем, Путята Жирославич?

Купец поглядел на Воислава, тот отрицательно мотнул головой. Их путь лежал точно к устью Дуная.

– Я вижу ладьи, пару! – удивил всех новостью Айлад. – На самом восходе!

Теперь уже весь экипаж уставился на восток, держа ладони козырьком, прикрываясь от солнца. Данила, шурясь, с трудом разглядел два черных пятнышка на фоне восходящего светила. Наверно, это и были те самые корабли, без пояснения варяга он бы никогда не догадался, не говоря уже о том, чтобы увидеть.

– Кто это, пираты? – обеспокоенно спросил кто-то из челяди.

– Вряд ли, – спокойно ответил Путята, – скорее таможенники или порубежники, но один лучший, облазят все и пошлину платить заставят, уходить надо, Воислав Игоревич.

Батяка обережников посмотрел на Вуефаста, тот оценил ветер по слегка колыхающемуся парусу и кивнул.

– На скамьи! – без вчерашнего задора, но уверенно приказал Воислав.

Надо же, какие разные ощущения, когда просто гребешь и когда у тебя на хвосте, вернее за кормой, висят два недружелюбных корабля. Но Данила не назвал бы их плохими, скорее будоражащими, адреналин в крови так и бурлил, помогая грести.

Преследователи тоже заметили маневр «Лебедушки» и сразу рыскнули наперерез, ветер им более благоприятствовал, чем купеческой ладье. Расстояние между судами стало медленно сокращаться. Но Путята не зря переплатил за свою ладью втридорога, как раз для таких случаев. Чтобы возить по морям товар легкий, но дорогой: меха, шелк да пряности – и оставлять таких вот волчат с пустым брюхом, пусть зубами щелкают да на слюну исходят.

Уже во второй четверти дня, когда стало ясно, что чужие ладьи не успеют наперерез, Вуефаст сбавил темп – бронзовое било стало реже звенеть. Обережники, не только напарники по веслу, а оба ряда по семь весел, держали единый ритм и едва ли не дышали в такт. Они могли работать и быстрее, но гонка, по-видимому, затягивалась, так что следовало экономить силы.

Данила, с шипением выпуская воздух сквозь зубы, потянул весло на себя. Его напарник Будим косо глянул на него, но ничего не сказал и не сделал. Будим, рожденный в Новгороде, при необходимости мог в одиночку обращаться с веслом, но этого еще не хватало, Данила сам справится.

За их спинами ворочали весла Ломята и Жаворонок, самый старый (не считая Вуефаста) и самый молодой члены команды. Ломята имел дефицит зубов и пшеничную шевелюру, Жаворонок пока шрамами не обзавелся, зато умел подражать голосам птиц. И оба в строю ничуть не хуже Молодцова.

После них гребли самые молодые члены ватаги, не по возрасту, а по статусу. Уж и Мал были приняты Воиславом к себе только весной, но уже успели себя показать, и когда «Лебедушка» плыла по землям Киевской Руси, и когда купеческий караван преодолевал пороги Днепра посреди Дикого Поля.

На другом борту работали старшие члены ватаги: Шибрида, Скорохват и остальные. Понятно, каким бортом встанет к врагу «Лебедушка» в случае боя. На все четырнадцать весел обережников не хватало, их заменяли приказчики Путяты, его родичи и компаньоны. Отличные парни, почти со всеми Данила сдружился, они тоже могли стрелу послать куда надо, топором рубануть в обход щита, но все-таки их работой было торговать да перевозить товар до места назначения, а работой обережников было охранять этот товар от любителей поживиться на халяву, татей вроде тех, что висят сейчас на хвосте.

Ближе к полудню преследователи окончательно пристроились точно за кормой. Некоторое время все суда следовали в одном темпе, но «Лебедушка» за счет своей ходкости на каждый удар весел выигрывала малую долю дистанции. Однако на догоняющих кораблях сидели упорные парни.

– Дровин, Айлад! – приказал Воислав. – Луки!

Названные воины по одному (другой в это время греб с той же скоростью, будто не замечая отсутствия напарника) покинули гребную скамью. Из длинных узких чехлов вытащили кривоватые палки, которые волшебным мановением рук превратились в изогнутые, сложно-составные луки с натянутой тетивой. Если Скорохват или Шибрида ничуть не уступали им по качеству своего оружия или мастерству боя на мечях, то подобных луков не было ни у кого в

ватаге. Собственно, Айлад и Дровин не были обережниками, они были настоящими княжьими гриднями, которые присоседились к ватаге строго ради главной цели их путешествия.

Преследователи наконец поняли, что добыча от них ускользает, и решили включить форсаж. Бедолаги не знали, с кем имеют дело.

Вуефаст идеально рассчитал время, дал им втянуться в погоню, а потом взвинтил ритм... и «Лебедушка» полетела.

Даниле казалось, что он ногами, пятой точкой чувствует, как вода под дном ладьи не просто рассекается, а как бы смыкается и толкает корабль дальше, помогая гребцам. «Лебедушка» будто не чувствовала встречного сопротивления, Даниле казалось, что она может разогнаться бесконечно, хотя силы его уже заметно таяли. На догоняющих кораблях увидели, как легко и быстро набрала скорость, казалось бы, легкая добыча, и рванули еще быстрее в погоню, потом прибавили еще чуть-чуть и... бросили попытки преследовать. Очень быстро развернулись и ретировались, как будто стыдясь. Но обережники еще долго продолжали держать средний темп, на всякий случай, а к вечеру на севере показалось устье Дуная.

«Лебедушка» пристала к заболоченным берегам, чтобы лишний раз на глаза никому не попадаться, экипаж отправился спать, выставив дозорных. Завтра планировалось пойти вверх по Дунаю, спокойное плавание кончилось, началась работа.

Даниле дали очередь в первую смену, по традиции. Он занял свой пост на носу, вместе с ним выпало дежурить Дровину, тот устроился на корме, в особой рубке, сделанной по форме ракушки, чтобы защищать кормчего от стрел и копий. Соответственно Дровин смотрел вперед, а Данила назад. Перед этим княжий гридень снарядил свой лук: накиннул на него тетиву, приготовил несколько стрел с гранеными бронебойными наконечниками. Наверное, долго такие луки с натянутой тетивой держать нельзя было, потому что Айлад, пока спал, свой оставил запакованным, и ухода они требовали куда более тщательного, чем меч или даже доспехи. Гридни это свое оружие никому подержать не давали, не то что выстрелить. При этом их понять можно, сложносоставной лук оружие строго индивидуальное, передовой образец современной науки и техники, гибкий и упругий, его концы (рога, как их называют) можно выгнуть в обратную сторону и соединить, если силенок, конечно, хватит. В спокойном состоянии лук почти выпрямлялся, а если накиннуть на него тетиву, приобретал синусоидную форму. При натяге рога и плечи лука уходили вслед за тетивой, а когда ее отпускали, они разгибались, давая стреле дополнительную убойную силу. Данила сам видел, как стрелы, пущенные из такого лука, с пятидесяти шагов по оперение вонзались в тушу степного тура. Мощные штуки! Стоили и своих денег, и времени ухода за ними. Разумеется, и навык стрельбы из такого чуда обретался не за год и не за два. Данила нет-нет да и поглядывал на лук в руках Дровина, обернутый шелком, покрытый лаком, с бронзовой вставкой посередине и костяными накладками на концах. И понимал, что если топором или мечом научиться работать более-менее сносно в его силах, то такие луки прошли мимо него навсегда. Айлад и Дровин пользоваться ими умели и воинами ближнего боя были ничуть не хуже, чем Скорохват или Клек, но вот что за люди они и на что способны, во всех смыслах этого слова, Данила за время плавания так и не понял. Они присоединились к ватаге в Олешье, самом южном форпосте Киевской Руси, что стоит в устье Днепра. Присягнули Воиславу на время плавания и распили братину вместе с другими обережниками. Так началось их совместное путешествие. Айлад был варягом, но скорее всего не урожденным, лицо у него было вытянутое, нос крючком. Он был немногословен, чтобы не сказать хмур; если говорил, то по делу, ни разу Молодцов не слышал от него шутки. Дровин был общительнее, но старался держаться в основном со Скорохватом, Путятой и его приказчиками. Однако при этом княжьи гридни четко и беспрекословно выполняли свою работу и приказы Воислава, ни о каких конфликтах с другими охранниками или даже легких «терках» не могло быть и речи, но и влиться полностью в ватагу у Айлада и Дровина не получилось, с другой стороны, им это и не надо было.

А вот у Данилы получилось стать своим, в прямом смысле завоевать себе место в обережной ватаге. Только что теперь дальше делать, Молодцов смутно представлял.

За свои полтора года пребывания в мире Древней Руси Данила успел отрастить себе светлые курчавые волосы, бороду чуть темнее, научиться относительно неплохо работать холодным оружием, а главное, завоевал себе друзей и даже невесту, которая осталась в далеком ныне Киеве. Именно завоевать; еще отец его в веке двадцать первом говорил: «Заводят вшей или венерические заболевания, а семью завоевывают».

И нигде, кроме как в Древней Руси, это понятие так буквально не отражало действительность. Данила сражался в одном строю с обережниками, сражался за них и за себя, и его сочли достойным принять в воинское братство. Как так получилось, что он выжил, а другие, не менее храбрые парни, попавшие в переплет воинских разборок, – нет, Данила не мог объяснить. Стечение обстоятельств, удачно сложившихся, проще говоря – повезло.

А началось все с того, что по просьбе своего друга кузнеца Вакулы Воислав взял к себе в команду странного чужака на испытательный срок. И по просьбе все того же кузнеца стал учить его воинскому искусству в перерывах между постоянной греблей вверх по течению Днепра. И необычный чужак, крещеный к тому же, которого все стали звать Даниил Молодец, начал делать определенные успехи. Тем более в строевом бою, который тоже преподавал батька своим обережникам, главное – не индивидуальное мастерство и сила отдельного воина, а то, насколько они слаженно бьются вместе, чувствуют друг друга, прикрывают, если понадобится, и атакуют, если соратник вынудил врага ошибиться.

Кроме Воислава, Данила до сих пор от души благодарен Ждану, его первому напарнику по гребной скамье. Молодой парень, но уже купеческий охранник терпеливо объяснял чудика и лоху в обычаях, что вокруг творится, как вести себя, чтобы не огрести и не подставить своих, ну и помогал грести и биться в строю, пока Данила сам не наловчился.

Ждан погиб на охотничьей заимке зимой, когда обережная ватага схлестнулась с нурманами и примкнувшей к ним чудью. И в тот момент Данилы рядом не оказалось.

– Пусть им будет хорошо в Ирии, – сказал Воислав обо всех погибших его людях после боя.

А вот Молодцов остался в чужом для него мире, в который неведомо как попал, или этот мир стал для него уже не чужой? Когда Данила оказался здесь, он сражался, чтобы выжить, а теперь у него появились обязательства перед братьями по палубе, перед невестой Уладой, перед Русью. Их миссию поручил Воиславу лично князь Владимир, теперь они князьи посланники, пусть и тайные. Бросать ватагу в такой момент Данила даже не думал, но что делать потом? Продолжить попытки выбраться из этого мира, или хотя бы понять, зачем он здесь нужен, или же просто жить дальше с тем, кто ему стал по-настоящему близок? Растить детей с Уладой в этом совсем не простом мире; сражаться вместе с друзьями, рискуя потерять каждого из них в новом бою? Молодцов не мог ответить на этот вопрос, а значит... он не имеет значения. Его нужно отложить до поры до времени. Впереди Булгария и княжья миссия.

Будим поднялся со скамьи, ступая так, чтобы ни на кого не наступить в темноте (как ему это удавалось в почти безлунной ночи, загадка), махнул Даниле – его смена окончена. Они поменялись местами, Молодцов вернулся на свое место, издав куда больше шума, но все-таки никого не разбудив, а Будим устроился на носу. Он стал новым напарником Данилы после гибели Ждана, или, вернее сказать, авторитет Молодцова стал котироваться в ватаге чуть выше, так что ему доверили грести вместе Будимом. Тот был родом из-под Новгорода, веселый, юморной парень, находчивый, который не раз впутывался за Данилу в передряги. Хотя какой парень, ровесник Молодцова, солидный мужчина по здешним понятиям. Нос его был несколько раз сломан на буйном новгородском Вече, Даниле в прошлом году довелось участвовать на этом акте прямой «народной» демократии, впечатлений хватило надолго. Зато на почве того, что Молодцов был тоже не дурак помахать голыми руками, зря, что ли, в своей прошлой жизни

сменил дюжину спортивных секций, ему было о чем лишний раз поговорить с Будимом, обменяться опытом, так сказать. Варяги и Скорохват имели насчет увлечения младших обережников свое мнение, но вслух его обычно не высказывали, чтобы не обижать собратьев по палубе. Молодцов же считал, что навык боя голыми руками лучше, чем никакого, но у его старших товарищей были свои аргументы на этот счет, и реши они их применить, диспут закончится очень скоро. В реальном бою не бывает лучше или хуже, а только ты победил или нет. Впрочем, Будим оружием умел работать достойно, но что было особенно приятно Даниле, теперь у него получалось противостоять ему вполне сносно. В бою один на один. Ведь это новгородца Будима Воислав выставил против Молодцова полтора года назад, чтобы проверить, стоит ли вообще возиться с чужаком, за которого просил Вакула. Оказалось, стоит.

Прямо над ладьей с громким хлопанием пронеслась стая уток.

– Эх, жаль, Дровин уснул, мог бы подбить парочку, – не принижая голос, сказал Будим.

А голос у него, выросшего на новгородском Вече, был мощный, будь здоров. Но, должно быть, никто, кроме Данилы, этого не услышал: экипаж, вымотанный тяжелым плаванием, спал без задних ног, и разбудить их мог разве что раскат грома над головой. А обережников может побеспокоить только очень специфический звук вроде скрипа оттягиваемой тетивы. Молодцов искренне завидовал этому умению и, размышляя, как бы ему его натренировать, сам не заметил, как провалился в сон.

На следующий день после пары часов плавания под парусом «Лебедушка» вошла в один из рукавов раздольного устья Дуная – теперь каждодневное ворочание веслом было не развлечением, а насущной необходимостью. Первым на пути княжских посланцев встал небольшой городок Жичина, который все-таки окружали крепкие стены с угловатыми башенками. Там купеческая ладья встала на причал, Путята Жирославич дождался, пока к ним пожаловал княжий тиун. Так в Киеве называли людей князя, ведавших административными делами: сборами дани, пошлинами, судом. Как в Булгарии такие люди назывались, Данила не знал, но таможенник, взошедший на ладью в сопровождении трех воинов, выглядел впечатляюще. Расфуфыренный, в таких ярких и дорогих одеждах, какие Молодцов не на всяком боярине в Киеве видел, с огромным пузом, туго обтянутым несколькими слоями дорогой ткани, на груди у него висел золотой православный крест, усыпанный самоцветами, оттягивая увесистую цепь, тоже золотую. Эскорт тиуна также внушал уважение: не только броней и оружием высшего качества, но и дорожными плащами с меховым подбоем.

Путята Жирославич, уж на что купец не бедный: на плечах кафтан, расшитый серебряной канителью, вокруг небольшого живота драгоценный пояс с узорами из золота и самоцветов, на пальцах блестят перстни, на шее гривна из переплетенной золотой проволоки, но по сравнению с таким представителем власти выглядел скромно, а может, оно к лучшему, меньше взятку... то есть пошлину платить. Путята показал грамоту от Киевского князя Владимира, что-то еще прошептал таможеннику, достал откуда-то бобровую шкурку для контроля качества, так сказать. Тиун шкурку принял благосклонно, и они вместе с купцом удалились на пристань.

Переговоры прошли успешно, к вечеру грузчики сгрузили с ладьи небольшую часть товара, которую сбыли оптом; экипаж «Лебедушки» пополнил припасы и с восходом продолжил плавание вверх по Дунаю.

Могучая быстроходная река упрямо толкала «Лебедушку» обратно в море. Ветер, который весь путь до этого благоприятствовал путешественникам, сейчас почему-то решил взять выходной. Работать приходилось в полную силу, по два человека на весло. Путешественники миновали дельту Дуная, поднялись выше по течению, где река круто поворачивала на юг и сливалась в широкий полноводный поток. По берегам простиралась поля, изредка прерывающиеся рощей или дубравой. Часто встречались городки или поселения, на земле работали люди – бабье лето, которое в Киеве подходило к концу, в Булгарии только начиналось. Но

доставало и таких мест, где от домов остались одни обугленные головешки, а поля заросли дикой травой. Немирно в Бургарии.

Молодцов не выдержал, опять посмотрел на парус, соплей обвисший на мачте, вздохнул.

– И зачем мы с собой эту тряпку взяли, – задумчиво изрек Будим, – лишний вес только да грести тяжелее.

Данила засмеялся, друг всегда умел поднять настроение. Соль юмора заключалась в том, что парус стоил не намного меньше всей остальной ладьи.

За их спинами тоже раздалась смешки, остальные охранники тоже оценили шутку. Жаворонок и Мал вполне уверенно ворочали веслами. Несколько недель назад они получили раны в стычке с печенегами, когда степняки наскочили на целый купеческий караван у днепровских порогов. Раны были неопасные, да только море есть море, всякое там с человеком может случиться, но ни один обережник не подумал отказаться от плавания, которое сулило благодарность самого князя. Данила их понимал, это же приключение! Послание князя, возможность сыграть на равных с сильными мира сего, новые земли, перспективы, деньги, разве можно от этого отказаться из-за какой-то дырки в мясе. Может, и ему стоит поменьше ныть, что не убивает, делает нас сильнее. Главное – успеть... стать сильнее.

– Третье весло справа, не части! – раздался окрик кормчего.

Будим хохотнул, а Данила, пристыженный, принялся работать в нужном ритме. Не тратить лишние силы на эмоции, вдох-выдох, удар о воду, упереться, потащить весло на себя, чуть наклониться, вытащить его из воды, снова погрузить его в набегающий поток. И так час за часом.

Два дня работы против течения, и «Лебедушка», преодолев очередной изгиб Дуная, теперь плыла строго на запад; ветер стал немного помогать. К концу четвертого дня путешествия по реке раздалась команда: общий сбор. Вуефаст повернул ладью к берегу, там и встали на якорь. Данила, оставив весло в уключине, сладко потянулся, разминая уставшие руки и спину, обернулся и понял причину остановки. В голову ему закрались нехорошие мысли. Впереди, совсем недалеко: из лука можно дострелить – на острове посреди реки возвышалась крепость, которую то ли достраивали, то ли ускоренно ремонтировали. Высоченные стены (Молодцов прежде таких никогда не видел) спускались почти к самому берегу. К пристани, выложенной камнем, вела лестница шириной с ладью, которую с боков стискивали башни – настоящие бастионы с узкими бойницами, сложенные из цельковых каменных блоков. Сама стена между ними была сложена из таких же обтесанных камней, а в ней самой была маленькая калитка – воротами этот проход язык не повернется назвать: повозка едва-едва в нее протиснется, и человек пройдет, согнувшись. Венчали всю эту громадину зубцы, идущие по стенам.

«Вот это махина!» – подумал Данила.

И что самое интересное, рядом с ней стояли на приколе ладьи. Натурально сквозь каменные стены к бортам судов были протянуты канаты, которыми те были принаитованы к причалу.

Воислав собрал всех вокруг себя, подозвал Путятю со своим главным распорядителем.

– Это Луй Соаре. – Батяка махнул рукой в сторону крепости. – Мощная сторожа, при Святославе она такой не была, тамошний гарнизон сам открыл князю-пардусу ворота. А в полу-поприще от него лежит Доростол. Если поднапрячься, к утру следующего дня будем там. Реку Вуефаст и я там знаем хорошо. Ну, други, что скажете?

Доростол! Тот самый Доростол, где сражался Святослав с императором Цимисхием! Нет, Данила, конечно, знал, что они минуют этот город, но знать – это одно, а сейчас легендарная крепость на расстоянии вытянутой руки, вернее пары тысяч ударов весла. Чтобы достичь Доростола, Молодцов был готов грести всю ночь; собственно, это и предстояло.

– А почему здесь столько кораблей пришвартовано? – резонно спросил Ломята, как старший среди младших обережников.

– Дунай стал небезопасен, озоруют много, – честно признался Воислав. – Ну, Путята, ты что думаешь?

– Тебе виднее, – ответил купец.

– Други?

– Пойдем! – переглянувшись, невпопад ответили младшие обережники, не одному Даниле хотелось побыстрее увидеть Доростол. Мнение старшей части ватаги Воислав уже узнал.

– Тогда айда на весла, полетим соколом, как когда-то князь наш Святослав!

Ночь была безлунной, но небо чистым, так что можно было разглядеть темные громадины берегов. Хотя Вуефаст правил ладьей, часто вообще не опираясь на зрение, а скорее на слух, плеск и журчание воды, запах: прибрежные отмели пахнут по-разному, а главное – на чутье. Эта особенность развивается только у самых опытных и проверенных кормчих – чувствовать свой корабль, воду под ним, куда его тянет, через кормило, через палубу под ногами. Будим пробовал разъяснить, как это получается, Данила так и не въехал, понял лишь одно, для этого надо очень много практиковаться, а его к кормилу пока не подпускали, что только доказывало мудрость и проницательность батьки Воислава.

Все началось ближе к утру, когда впередсмотрящий, мальчик-челядин, соскочил с моста и прошмыгнул мимо Данилы к Воиславу, ненадолго сменившему Вуефаста, что-то быстро сказал ему громким шепотом. Батька отдал руль Шибриде, проследовал за мальчонкой к носу, потом спустился, негромко сказал:

– Приказчики на весла, легко табанить. Обережникам сбрую вздеть.

Опа... вот это новости. Интересно, кто же там по курсу их ждет: драккар викингов или дромон византийцев. Все оказалось лучше или хуже, это как посмотреть.

Данила натянул на себя свою куртку с железом, нахлобучил шлем, войлочный с железными полосами, подхватил щит и легкое копье, метнулся на нос, где уже стояли почти все его соратники. Сначала он ничего не разглядел, потому что смотрел не туда, потом увидел, что по реке рябь идет, как будто рыба на нерест шла. Да только у этой рыбы были лошадиные головы. Молодцов напряг зрение, а рядом с лошадами, держась на каких-то бурдюках, плыли люди, воины. Данила читал об этом, кожаный мешок набивают соломой, промазывают швы жиром, и вперед. Все войско с броней и конями можно за несколько часов переправить. И вот на такую переправу наскочила «Лебедушка», повезло, что называется.

– Кто это, батька, как думаешь? – спросил Скорохват.

– Печенеги, Хопон скорее всего, – вместо того ответил Дровин, – или угры, но вряд ли, у, волчья сыть копченая.

Воислав стиснул зубы, он раздумывал. Их ладью пока не заметили, да в реке конники беспомощны, но сколько их? В темноте не понять. Если тут целая орда, то попадут обережники, как карась в зубы щуки.

Впереди жалобно заржал конь, Грозомил не понял, в чем дело, и ответил ржанием. С северного берега донеслись гортанные голоса – корабль заметили.

Воислав выдохнул: а может, оно и к лучшему.

– Ватага на весла, гребь вперед, готовь копьа, – приказал батька. – Дровин, Айлад, беритесь за луки.

Не прошло и минуты, как князь гридни выпустили первые стрелы, и темная ночь наполнилась высокими гортанными криками и диким ржанием раненых лошадей. Вода впереди взбурлила от множества людей и животных, стремящихся уйти в стороны от невидимых стрел. А «Лебедушка» набирала ход, чтобы врезаться своим килем в настоящий живой поток!

Кочевники, противно вереща, так, что уши резало, попытались уйти от надвигающейся на них ладьи. Но куда там, Дунай – это вам не ручеек по весне. Совсем скоро в борта «Лебе-

душки» стали биться туши людей и животных, а весла гребцов начали охаживать находящихся рядом пловцов. Приказчики Путяты и он сам стали бить стрелами во все стороны. Луки у них были не такие, как у доверенных княжьих гридней, охотничьи на зверя, но даже из такого лука стрелой с широким наконечником можно засадить в ничем не защищенное тело, так что вряд ли с такой раной кто-нибудь доплывет до берега.

Плеск, крики, стоны, ржание, глухие удары о дерево мертвых или еще живых тел. Обережники принялись метать копья в кочевников.

– Я, – предупредил Будим, Данила потянул на себя всю тяжесть весла, а его напарник привстал и метнул сулицу¹ в кричащую темноту.

Звук попадания не был слышен, неудивительно в таком-то гвалте. Молодцов сам хотел бросить свой дротик, но кругом ни хрена не было видно, бросок у него так себе, так что жалко впустую было тратить копьё.

Крики пошли на убыль, большинство степняков рвануло обратно к берегу. Некоторые стояли на лошадях в воде и пускали стрелы в «Лебедушку», но самые лучшие стрелки забрасывали стрелы с недолетом шагов в десять.

– Левый – стой, правый – гребь, – неожиданно приказал Воислав.

Данила и Будим подхватили весло на локти, навалились, вытаскивая его из воды, а их братья продолжили грести с удвоенной силой. «Лебедушка» в несколько ударов сердца описала полукруг.

– Оба – гребь, – рыкнул батька.

И ладья теперь полетела вниз по течению стремительно, сильнее разгоняясь.

Что за трюк придумал Воислав, зачем эти танцы? А, вот оно! Лошади, они животные умные, но в данной ситуации не разобрались, и большая их часть рванула по течению, разлучившись со своими хозяевами. Неужели батька решил их в трофеи захватить? Похоже, да. Удачно еще то, что солнце взошло и слепило глаза тем, к кому приближалась «Лебедушка», сама при этом оставаясь в тени. Вместе с лошадьми на берег выбирались и люди, воины.

– Люд – на весла, бережники – в строй, – взревел Воислав.

Широкая песчаная отмель, возможно, та самая, на которой сражался Святослав с кесарем болгарским, стремительно приближалась, по ней беспокойно шатался табун, среди которого мелькали степняки, сидя на лошадях, правда, охлюпкой, оседлать, конечно, еще никого не успели.

В ладью полетели первые стрелы, которые с глухим стуком вонзились в щиты и борт. Без стремян, наверное, стрелять было неудобно, но ни один кочевник не спешил; тоже понятно, с пешим степняком даже Данила мог уверенно драться, хотя у днепровских порогов на караван печенеги напали именно пешими.

– Батька, позволь, я первым пойду? – неожиданно попросил у Воислава Клек.

– Добро, Дровин, Айлад, вы на ладье остаетесь, бейте стрелами.

– Исполним, батька.

Клек тем временем подошел к Грозомилу, накинул ему на спину одну попону и прямо так на нее и вскочил. Перед самым берегом варяг пихнул своего коня пятками, вороной жеребец сумел заскочить на корабль, бухнулся всеми четырьмя копытами в палубу и прямо с корабля полетел в воду через головы бережников.

Со свистом полетели стрелы из крепких луков княжьих гридней, защелкали охотничьи луки приказчиков, одного из степняков вынесло из седла.

Грозомил в ворохе брызг ухнул в реку, сразу ощутил копытами дно и что есть сил рванул на сушу. Клек на его спине сидел как вкопанный, крепко сжимая ногами бока коня. Он принял на щит две стрелы, метнул в ответ сулицу, и еще одного копченого сшибло с коня.

¹ Облегченное копьё, предназначенное специально для метания.

Данила видел варяга на коне, летящие стрелы в обе стороны, может, поэтому он отвлекся и пропустил момент, когда киль ладьи вонзился в прибрежную отмель. Молодцов не растерялся, прыгнул со всеми, но прыжок вышел скверный, и он ухнулся коленями в воду; повезло, что там под ней было илистое дно. Его сразу же за закрик поднял Будим, аж воротом шею сдавило, друзья тут же построились, соединили щиты. Ну вот, теперь они в своей маленькой крепости рядом друг с другом.

Бам, бам!

Оба-на, это в щит Даниле прилетело две стрелы, аж качнуло на месте. Так получилось, что после высадки он стал замыкать фланг, а это самое опасное место строя, как Молодцов только что убедился, где же остальные?

– Ха! – Басовитый рык был отлично слышен даже сквозь битву.

Сбоку от Данилы пролетел размытый силуэт, и еще одна лошадь с наездником завалилась с копьём в груди.

– Не робей, Молодец, возьмем этих копченых, – пророкотал Вуефаст, становясь в строй, набрал воздуха в грудь и завыл волком. Ему ответили Воислав и Шибрида – варяги ватаги.

От этого крика лошади степняков, и так напуганные, еще больше взбеленились и бросились врассыпную, скидывая со спин наездников. А строй обережников с волчьим воем и просто с криком бросился за ними в атаку.

Вставшего с земли печенега просто сшибли щитами, и походя кто-то добил его копьём. Еще один степняк, сброшенный с лошади, застыл со швырковым ножом в горле, еще до того, как до него добежал строй. Остальные кочевники оказались более умелыми наездниками; прильнув к шеем лошадей, они, не оглядываясь, поскакали прочь от десятка обережников. Их можно понять, они же не знали, сколько там на ладье еще прячется воинов.

Справа от строя Клек погнался по кромке воды с десятком лошадей вместе с двумя степняками, лошадь одного догнал, хлестнул безжалостно по крупу, и та свалилась, подмяв под себя наездника. Второй степняк, видимо, хотел стрельнуть назад, но, похоже, забыл, что без стремян, и свалился. Его на бегу подхватил варяг, перекинул через седло, добавил рукоятью меча по затылку, чтоб не трепыхался.

– Стой! – приказал Воислав, и строй остановился. Воины переводили дух, двигали плечами в доспехах, дышали полной грудью. – Расходимся по трое и сгоняем лошадей к ладье, пусть челядины перенимают. Далеко не заходим, ищите только тех, кто возле реки остановился. Клек, – взревел батька. – Давай на два стрелища вперед, сгоняй всех лошадей, которых поймашь. Кто это у тебя?

– Полоняник, по дороге взял, другой больно хлипок показался.

– Добро, будет с кем побеседовать после. А сейчас за дело.

Лошадок собрали двадцать семь штук, примерно столько разбежалось по полям Булгарии на радость крестьянам, ну или просто тем, кто окажется везучим. Пленника допросили, даже обошлись без каленого железа и прочих аргументов убеждения. Данила сперва переживал, как он перенесет увиденный первый раз в жизни допрос, хотя, как наказывают в Средневековье, Молодцов уже не раз видел. Пленника пытать не пришлось, молодой паренек, лет пятнадцати, по имени Бенем, сразу все выложил. Воин он действительно из племени Гиазихопон, малого хана Каяна. Они вместе с другим ханом, угорским, Гелой, решили пограбить в Булгарии. Собственно, все.

– Сколько вас было? – задал давно интересующий его вопрос Воислав.

– Две большие сотни, – запинаясь и гундося, путая родные слова и словенские, ответил пленник.

«Так, две большие сотни – это человек двести двадцать – двести сорок, – про себя подумал Данила. – Не меньше половины мы вчера угрохали, и как поступят остальные?»

– Воинов семьдесят мы вчера убили или заставили убежать, – сказал Шибрида, – остальные как себя поведут, рискнут в другом месте переправиться?

– Под Доростолом или Соаром? – усмехнулся Скорохват. – Я сомневаюсь, батька, они крепко по зубам получили, сейчас выясняют, кто главный огузок; если одной из сотен сильнее досталось, то, может, и между собой перегрызутся.

– Хорошо, если так, – кивнул Воислав. – Но на месте все равно задерживаться не будем. Лошадей сбиваем в табун и сушей ведем к Доростолу. Клек, ты этим займешься, остальные на ладью, водой пойдем.

А смуглого полоняника не убили, а отправили на ладью, грести вместо отбывших обережников.

Клек для перехода взял с собой брата Шибриду, Ломяту и Данилу. Молодцов, не обрадованный новостью, вздохнул и пошел искать среди прибитых к берегу тюков и бурдюков подходящее седло со всем остальным снаряжением. Скорее всего внимание варяга к Даниле было вызвано тем, что перед отплытием, еще в Киеве, он взялся учить Молодцова верховой езде, тот, понятно, в этом был ни в зуб ногой. Клек к любому делу подходил обстоятельно, так что у Данилы не было иного выхода, кроме как стать отличным наездником, но не сразу, конечно.

И все-таки путешественники задержались на месте боя; пока приказчики собирали седла и иную упряжь (она тоже немалых денег стоит), пока сгоняли лошадей в табун, Данила седлал коня.

– Вот, – Клек подвел под узду низкорослую мохноногую лошадку, – это твой скакун, знакомься.

Молодцов потрепал конька по гриве, дал ему из своих запасов сушеное яблочко, и они поладили. Конек к смене хозяина отнесся стоически, был он черной масти, поэтому Данила назвал его Угольком. Правда, ему потом Клек объяснил, что по-печенежски это слово значит что-то не очень хорошее, но тут уж поздно, новую кличку Молодцову было лень придумывать, тем более что Уголек и так достаточно хорошо реагировал на команды хозяина. Вернее, просто на человеческий голос, движения удил и похлопывания по крупу. Обыкновенных прикосновений лошадь просто не почувствует.

Словом, никаких нежных чувств новая кличка Угольку не задела. Статей он был не выдающихся, а норовом спокойным и покладистым, то есть почти идеально подходил для такого начинающего всадника, как Данила. Все остальные трофейные лошадки были примерно той же породы и характера. В отличие от Грозомила, вот уж где махина мышц. Жеребец сразу показал, кто тут главный, врезавшись в табун с грозным ржанием, а потом и вовсе встал на дыбы. Клек его успокоил, но остался доволен; еще бы, ему достался воин среди коней.

Под присмотром того же Клека Данила надел на Уголька всю положенную упряжь, затянул ремни где надо, и, удостоившись одобрительного кивка, Молодцов получил послабление, ему разрешили пользоваться стремянами, а ведь в Киеве ездить на лошади он учился без них. «Чтоб посадку не испортить», – как наставлял его учитель-варяг.

– Ну, – Данила похлопал по шее конька, – ты давай уж потерпи меня, я за это тебя угощу чем-нибудь вкусным, как приедем.

Молодцов с легким сердцебиением сунул ногу в стремя, толкнул другой и хоп... влетел в седло. Уголек даже не шелохнулся. Данила потратил несколько секунд, чтобы сунуть стопу во второе стремя, и несильно ударил пятками в бока коня. Тот сразу стал неспешно перебирать копытами; несколько дней обучения под присмотром Клека немедля дали о себе знать: Данила тут же вспомнил, как нужно держать спину, куда девать руки и как упираться ногами в стремя, чтобы не мучить коня. Езда на лошади – это не велосипедная прогулка, тут все имеет значение. Потом раздался голос Клека, возглавлявшего трофейный табун:

– Ну что, други, айда за мной.

Молодцов взялся за удила, сказал:

– Но!

А дальше Уголек сам разобрался, в какую сторону идти и даже какую дистанцию держать. Вышколен, видно.

– А ты умный, – Данила потрепал его между ушей. Огляделся, смотря на мир немного сверху вниз.

И все-таки, если бы пришлось выбирать между утомительной греблей против течения и поездкой на лошади, Молодцов не смог бы сказать, что ему по душе.

За время после своего удивительного перемещения с ним произошло немало приключений, довелось ему и грести против течения, и против ворогов со стены отбиваться, и в строю биться, а вот к скачкам он как-то не привык.

А ведь кто бы сказал Даниле, нет, не что он окажется в прошлом, а просто что будет чувствовать меч как продолжение собственной руки, он бы никогда не поверил. А ведь у него получается... не так хорошо, как у Шибриды, конечно, но бывает, батька Воислав, очень редко, все-таки хвалит Молодцова. Должно быть, он даже не жалеет, что по просьбе купца Вакулы взял полтора года назад к себе в ватагу странного чужака.

Глава 3

Град Святослава

Доростол они увидели издалека; во-первых, он стоял на возвышении, а во-вторых, точно к нему вела идеально прямая, ровная дорога. Данила уже не чаял увидеть что-то подобное, а тут натуральный автобан, без всяких скидок на древность.

Шибрида к прекрасной дороге отнесся совершенно безразлично, как будто она была создана не руками людей, а существовала всегда, от природы. Ломята, Данила с ним поравнялся, когда тот соскочил с лошади и стал осматривать ей ногу, проворчал что-то типа:

– От ромей-то напридумывали, все копыта коням собьем.

Конечно, в Доростоле заметили большой отряд степных коней. Встречающиеся по пути повозки купцов и крестьян, набитые зерном, торопливо уступали дорогу, но вскоре из крепости подъехала кавалькада из трех всадников, тоже роскошно одетых: в кольчугах, за плечами плащи, на головах шлемы, а на них пышные плюмажи.

Шибрида на вопрос «кто такие?» показал им знак от Путята, сказал, кто они, откуда, где взяли лошадей. Начальник караула недоверчиво выслушал историю, но сказал, что коль все подтвердится, то они все получат награду от наместника, в довершение сказал:

– В город я вас не пущу, ждате будете там, в стрелище от стены, у берега, пока к вам не придет ваш купец, он скажет, что делать дальше.

И отряд обережников поехал уже в сопровождении болгарских воинов.

Данила неотрывно следил за стенами Доростола, которые становились все выше по мере того, как к ним приближались. Молодцов смог в полной мере оценить твердыню, в которой держал оборону Святослав, когда они остановились где-то в ста метрах от стен. Доростол походил на Луй Солум, те же зубчатые стены, угловатые башни, нависающие над воротами. Все сложено из целиковых прямоугольных блоков и создавало ощущение несокрушимой монолитности. Ворота, напротив которых стояли обережники, были довольно маленькие, а в каждой башне по узкой прорези двери. Доростол, как и Луй Солум, тоже сейчас усиленно достраивали-ремонтировали, так что каким он будет в итоге, Данила вряд ли увидит, но точно станет еще более непрístupным.

Обережники, пока Данила занимался разглядыванием архитектуры, увидели «Лебедушку», швартующуюся к пристани, замахали руками, мол, все нормально, мы тут. Вскоре из крепости пришли сам Путята с таможенниками, там же у стен охранники продали большую часть трофейного табуна: ехать им было недалеко, а с вычными лошадьми мороки много, да и внимание они привлекают.

В Олешье, по приказу Киевского князя, им заранее выделили сумму денег примерно на такое же количество лошадей, а теперь... ну не возвращать же это серебро обратно, а то еще отчетность можно нарушить какую-нибудь.

Когда все денежные формальности были улажены, ватага въехала в ворота, и Данила в седле вошел в Доростол.

Город блистал куполами храмов и доспехами воинов на стенах и вонял... так же, как и любой средневековый город, по сточным канавам которого текли нечистоты. В Киеве, как показалось Даниле, было посвежее. В остальном, пожалуй, Доростол превосходил столицу княжества Руси: каменные мостовые, каменные дома в несколько этажей, много людей, весьма богато одетых и вовсе не из высшей знати. Населения если не больше, то примерно столько же. Впрочем, Даниле трудно было оценить все достопримечательности, они всей ватагой ехали по узкой улочке, прохожие которой все как один жались к другой стороне. Возможно, в бережниках узнали русов, которые оставили после себя здесь громкую славу, но скорее просто желающих спровоцировать крупный воинский отряд не было.

Проводники, посланные Путятой, привели охранников к постоялому двору: крепкому зданию в два этажа, где разместился весь экипаж ладьи, заняв почти все комнаты. Там можно было поесть свежей горячей пищи, выпить такого же свежего пива или меда, с чем во время плавания была напряженка, а главное, поспать на мягких, не качающихся под тобой перинах. Плевать на клопов и блох! Настоящее блаженство!

Утром, ну вернее, уже днем, когда проснулся Данила, он узнал, что Воислав с Путятой отбыли решать какие-то важные дела, должно быть, связанные с их особым заданием, но о том болтали меж собой только бережники! Батка взял с собой Скорохвата и Шибриду, остальные бойцы могли быть до вечера свободны.

Ватага разделилась; одни сразу рванули в местные публичные дома, а Данила, Будим и Ломята решили сначала пройтись по рынку. Будим, как и любой новгородец, торговался любозного, но потом он с Ломятой все равно свалили по борделям.

А Данила... блин, Молодцов офигел от этого рынка. Тут продавался виноград! Виноград! И еще другие фрукты: персики, абрикосы. Он больше года ничего подобного в рот не брал. Только ягоды и мед. Его друзья отнеслись к заморскому яству с уважением, но прохладно, мол, больно сладкое это все, наши предки такого не ели. А Данила, уже в одиночку, набрал целую корзину фруктов, купил кувшин вина, молодого, оно стоило в разы дешевле, чем в Киеве, и стал бродить по рынку, наслаждаясь почти забытыми вкусами и ярким раздольем базара кругом.

Чего здесь было меньше, чем в Киеве, так это тканей, а мехов почти не видно было, наверное, еще не сезон: «Лебедушка» обогнала все торговые суда минимум на пять дней. Воск, деготь, мед тоже почти не встречались, а в столице Руси каждый четвертый зазывала предлагал этот товар. Зато тут куда больше было еды, на любой вкус, и такой дешевой! Целый торговый ряд торговал металлическими изделиями, причем не только для убийства ближнего своего, но и вполне гражданского назначения. Данила без труда нашел себе кузнеца, который обещал поправить его броню, правда, Молодцов пока не был уверен, что у него будет время в Доростоле этим всем заниматься.

Пока же он продолжал шататься по рынку. Добротный конь тут стоил столько же, сколько в Киеве захудалая кляча. Медный кубок, купленный на Дунае, можно было обменять на два таких же на Днепре. Конечно, это все-таки рынок, узловая точка торговых путей со всего мира! Простые крестьяне вряд ли живут намного лучше, чем те же полянские смерды, данники Киева. Но все-таки... теперь Данила понял, почему Святослав захотел остаться в Булгарии и ее сделать сердцем своей земли. Как там в летописи говорилось: «...из Византии стекаются золото, паволоки, из Венгрии кони и серебро...»

Нет, не вспомнить, учить древние тексты надо лучше было. Очевидно, почему и Владимир хочет прибрать эту страну себе. В Булгарии сейчас раздрай, правят всей землей богатые вельможи, братья Аарон и Самуил, при них марионеткой сидит как бы законный царь Роман. Вот к нему и направляются княжьи посланцы: ватага обережников во главе с Воиславом. Разумеется, тайно. И разузнать у Романа, не готов ли он перейти под руку князя Владимира, кто еще готов признать Киевского князя своим владыкой, ну и вообще разведать, как дела обстоят у стратегического партнера. Надо ли говорить, что грозит обережникам и всем путешественникам в случае провала, но и в случае успеха миссии!

Данила, чтобы отбросить невеселые мысли, подошел к помосту, где местные скоморохи готовили что-то вроде представления. Он легко протиснулся вперед, человеку с оружием перечить никто не стал. Выступление, на взгляд Молодцова, получилось так себе, но народ кругом ржал. Сперва, как понял Данила, скоморохи изобразили кого-то скачущим на коне со свитой, потом на него напал другой скоморох, побил и стал глумиться над трупом. Глумление и составляло основной юмор представления.

– Слушай, друг, – Данила пихнул локтем своего соседа, небедного, судя по одежде, булгарина, – а что они изображают?

– Ты что, не знаешь? А, сразу виден чужеземец; наш комит Самуил одну луну назад побил византийского кесаря Василия. Заманил в Траяновы ворота и все его войско разбил.

Булгарин азартно махнул рукой. Молодцов его прекрасно понимал: хоть и говорил с акцентом, все-таки одно словенское племя.

– А Траяновы ворота – это крепость такая?

– Нет, ты что, это ущелье на юге!

– Вот оно что, благодарю, я просто только что приплыл сюда.

– А откуда?

– С Севера.

Молодцов своим видом показал, что не расположен к разговору. Так-так, а информация, которую он узнал, уже интересная. Кесарь Василий, ущелье. Что-то знакомое. Данила, поскольку интересовался историей, читал про византийско-булгарские войны, но, блин... у болгар каждая вторая война заканчивалась тем, что они ловили византийцев в ущелье и там громили. Ну или, может, летописцы просто не знали, как все случилось на самом деле, и они переписывали старые хроники на новый лад. Суть одна: ни когда произошла эта битва, ни что случится потом, Данила четко не мог вспомнить. Знал только одно, что Булгарию в итоге захватит Василий Болгаробойца, император Византии; выходит, тот самый, которого сейчас разбил Самуил. Интересные дела.

Данила еще помнил, что именно этот император пригласил к себе князя Владимира, чтобы тот помог расправиться с бунтовщиками, а потом Киевский князь покрестил всю свою землю. Неужели Крещение Руси так скоро?

Озадаченный Молодцов побрел обратно на постоялый двор, тем более что молодое вино ударило в голову и, скажем так, улицы Доростола начали качаться, как в шторм.

Воислав тоже узнал о поражении византийцев от поверенных князя, буквально из первых рук. Новость эта, безусловно, была плохой для обережников и для самого князя Владимира. Чем сильнее Самуил, тем труднее им будет склонить царя Романа стать союзником Владимира, если это вообще было возможно! Но трудно это или легко – не имеет значения, Воислав дал слово, и он выполнит порученное ему дело и убережет своих людей. С Божьей помощью!

Воислав быстро начертал несколько слов на клочке шелка, свернул его, упрятал в маленький пузырек из сумки на поясе. Завтра он отдаст его человеку князя, угорскому приказчику, что с караваном уходит в Киев, а сам с ватагой отдохнет пару дней, осмотрится, а потом... в Преславу. Воислав перекрестился и затушил лучину.

Глава 4

Древняя дорога

Пока купеческий отряд отдыхал в тавернах, Данила шатался по городу. Друзья зазывали его отдохнуть вместе: выпить и потрахаться с девками. Молодцов отнекивался, не из-за того, чтобы его не мучила совесть за измену. Улада – девушка умная, все прекрасно понимала: долгое плавание, нервы, усталость, а тут... нужно же как-то восстановить силы. Словом, случайные связи в походе тут в порядке вещей и изменой не считаются, если ты, конечно, не потащишь девку к себе в дом и не признаешь ее детей.

Данила многоженцем становиться не собирался, ему более чем хватало Улады, и в данный конкретный момент ему были куда более интересны достопримечательности Доростола, чем уличные проститутки.

Город действительно был красив, несмотря на запахи, не кварталы бедняков, понятно, а богатые дома, купеческие подворья, храмы! Данила ходил, смотрел на богатые особняки и поражался им. Ощущалось в них что-то величественное, древнеримское, подлинно античное, но и проскальзывало что-то свое, славянское, вернее, то, что спустя века станет считаться славянским. Эх, был бы Молодцов архитектором, описал бы все красиво, а так – как сумел. Еще очень хотелось зайти в башню, полазить по стенам. Но тут уж, извините, чай, не музей, а настоящий режимный объект, особо любопытствующим суровые болгарские вояки могут быстро устроить экскурсию: со стены прямо в ров, без лестницы.

Перед самым выходом Данила все-таки поучился кое-чему полезному. Клек сказал, что пора бы Молодцову учиться рубить с седла, как и положено настоящему всаднику. Вечером они покинули город, варяг на Грозомиле, Данила на Уголке, нашли удобную поляну. Варяг воткнул пару палок в землю, насадил на них заранее взятые тыквы, вскочил в седло.

– Теперь смотри.

Клек с ходу взял в галоп, махнул мечом, и только половинки тыквы остались лежать на траве.

– Теперь ты!

Молодцов фыркнул про себя: делов-то, пришпорил коня. И уже на скаку понял, что на прыгающем седле не так уж легко рубануть мечом. А тыквы этой вообще ни хрена не было видно, считай прыгающая кочка впереди, но Данила все-таки попытался рубануть ее, как показалось, в нужный момент, и едва не вывалился из седла. И это со стремями! Его мотнуло вбок за летящим мечом, перекосило в седле, левая рука натянула поводья, Уголек жалобно заржал и тоже принял в сторону. Молодцов чудом и усилием воли сохранил равновесие, отклонился назад и удержался на коне. Уголек умница, сам остановился через несколько шагов. И что обидно, от тыквы отскочил лишь кусок в мизинец толщиной.

– Мда... Молодец, я думал, будет лучше, – весьма задумчиво произнес Клек.

Весь оставшийся вечер они с варягом тренировали рубящий удар с коня. Как ни странно, Данила и, главное, Уголек быстро въехали, что от них требуется. На скаку приходится по-другому брать упреждение перед ударом и иначе рассчитывать силу. Опыт работы с оружием быстро позволял принаравливаться к новым условиям. Чай, не из лука стрелять.

– Неплохо, – одобрил Клек, когда все семь тыкв были разрублены пополам. – Я тебя в пути еще поучу конному бою, так что, может, даже сможешь попасть по скачущему на тебя всаднику.

Ободренный этой новостью, по-настоящему Данила большего не ожидал, Молодцов последовал за Клеком, который пустил Грозомила тряской рысью. Красовался – из ворот выезжала кавалькада всадников с каретой, а внутри сидели весьма симпатичные дамы.

На следующий день, в полдень, отряд обережников продолжил путь. Ехали большим торговым караваном, на дюжине с лишним повозок перевозили драгоценный груз с севера. Большую часть экипажа оставили в Доростоле, от них не требовалось многого, только ухаживать за

«Лебедушкой» и дожидаться возвращения остальных. А обережники в пути занимались своим привычным делом – охраняли караван. Пленного Бенема по приказу Воислава взяли с собой, все-таки еще один какой-никакой воин, с молодых лет привычный к оружию. Ему даже это оружие выдадут... в случае нападения на караван. Бенем поклялся, что не попытается сбежать, но его все равно посадили в возничье, а Воислав пообещал, что если парнишка покажет себя храбрым и не будет чудить, его отпустят после окончания путешествия.

Повозки катили по ровной и прямой как стрела дороге. Молодцов покачивался в седле и офигевал, как такое можно было построить минимум семьсот лет назад, и такие дороги существуют еще столько же. Данила вспомнил дороги Киевской Руси: лесные тракты, которыми можно было пользоваться только зимой и летом. В основном все передвигались по рекам, зимой на санях, летом на лодках. И русла этих рек были далеко не прямые.

Нет, с другой стороны, в Болгарии и зим таких не бывает, и снегов, знали братья-словене, где поселиться.

Навстречу каравану катили повозки с данью и товаром в Доростол, сворачивать и уступать путь не приходилось – ширины дороги вполне хватало, чтобы разъехаться. Лошади без труда тащили купеческие повозки, набитые товаром, по ровной дороге, как будто санки по льду. Обережники иногда съезжали на обочины, смотрели на покрытые зеленой травой холмы. Может, высматривали засаду, а может, просто любовались красивым видом.

Лагерь разбили возле небольшой крепости Шумер, на полпути до столицы, за ее стенами, вместе с другими торговцами. В случае нападения можно было надеяться на помощь гарнизона, так что купцы чувствовали себя в безопасности. Там же Клек и Шибрида поучили Данилу работе с копьем на лошади. Ему это давалось гораздо хуже, чем даже рубка на скаку, а раньше думал: проблем-то, поддеть копьем кольцо из травы.

– Ничего, – заверил Шибрида, – пару месяцев потренируешься и будешь сносно копьем работать, давай мечами поиграем, у тебя это лучше получается.

И они поработали в легкую, к удовольствию Данилы. У него и правда фехтовать выходило лучше, и клинок чувствовать получалось, и свое тело, и как двигаться в бою, даже получилось выучить несколько хитростей и обманок.

К концу следующего перехода караван должен был добраться до Преславы, и княжым посланцам это удалось. На закате они въехали в ворота столицы Болгарии, где жил царь Роман и правил всесильный комит Самуил.

Глава 5

Лазутчик

– Узнали. – В комнату постоялого двора вошли Скорохват и Дровин. – Стольник этот по рынку сам не ходит, зато в храмах бывает и к писарям часто шастает.

– Что за писари? – переспросил Шибрида.

– В главном дворце для них целое здание выстроено, навроде капища, живут там монахи, писари, чтецы всякие. Книги читают, пишут, других этому делу учат. Гаврил туда ходит свитки всякие забрать для царя Романа, тот почитать чего сильно любит.

– Слышал я об этом, – сказал Воислав, – в том... хм... капище народу не очень много, чужак будет замечен.

– А в храме на службе и подавно к царю со стольником не подойдешь, не поговоришь, – резонно заметил Скорохват. – Про дворец и говорить нечего, там за каждой колонной послухи Самуила.

– Да, ты прав, выбора у нас нет. Осталось решить, кого пустить весть передать.

И взгляды всех обережников сами собой скрестились на Даниле. Понятно, кто же еще всего полтора года назад умудрился побывать рабом и кто еще меньше всех походил на бравого и надменного воина.

* * *

Преслава встретила караван разноголосой толпой перед воротами. Стражники деловито проверяли товар, определяли размер пошлины и пропускали возниц за стены. Укрепления Преславы были примерно такие же по мощи и стилю, что у Луй Соара и Доростола, только заметно древнее. Княжьи посланцы прошли сквозь ворота затемно, переночевали на постоялом дворе, а утром, позавтракав, Путята с двумя приказчиками и семьёю обережниками, среди которых был и Данила, отправились на аудиенцию в Царский дворец. Нет, купец направлялся не к самому царю и не к фактическому правителю Самуилу, у того и так дел по горло было, а к одному из важных сановников, но подарки, которые заготовил купец, и впрямь были под стать царю – драгоценные меха: куницы, соболя да белки.

Царский дворец был обустроен в центре города на возвышении и окружен стеной, ничуть не уступавшей по высоте внешнему укреплению. Путяту и обережников почти без вопросов пропустили внутрь, и Данила смог оценить богатство и красоту целого комплекса сооружений. Почти все они были сложены из камня с арками и колоннадой, украшены медью и позолотой. Всюду, где было возможно, росли фруктовые деревья. Молодцов оглядел всю эту красоту, шествуя по мраморной мостовой, и про себя подумал: «Вот тебе и темное Средневековье».

Ему показалось, что он очутился в усадьбе древнеримского патриция или самого императора. Правда, как должна выглядеть эта усадьба, Данила понятия не имел, просто ему пришла в голову такая аналогия. И он был недалек от истины, ведь Самуил и его брат Аарон раньше были комитами, губернаторами провинций, на которые была поделена Булгария. А после смерти Иоанна Цимисхия подняли восстание против византийцев. В начале восстания братьев было четверо, но Давид и Моисей погибли друг за другом, что поделаешь, у правителей опасная работа. И, конечно, сотни лет Булгария испытывала на себе влияние Византийской империи, а ее граждане считали себя никакими не византийцами, а самыми настоящими римлянами. Данила всех этих тонкостей не знал, но, возможно, чувствовал.

До этого каменную кладку ему приходилось видеть только в фундаментах домов и церквей, ну и каменную ограду вокруг капища Сварога, из которого он вместе с Шибридой и Клеком с боем вырвался этим летом. Если, конечно, можно так назвать беспорядочное нагромождение валунов высотой в полтора метра. С другой стороны, Киевская Русь посреди рек и лесов обосновалась, а в Булгарии гор полно, есть откуда камень привезти по великолепным дорогам.

Прием у сановника прошел гладко, подарки были благосклонно приняты, а экипировка охраны Путяты была оценена по достоинству. История о том, как обережная дружина побила сотню кочевников, которые хотели вторгнуться в Булгарию, не осталась незамеченной. Обережникам была даже пожалована денежная благодарность за труды, примерно столько, сколько ватага потратила на корм для лошадей за два дня пути. Но обережники были не в обиде, зато они получили возможность попасть в Царский дворец, осмотреть все как следует, ну и втереться в доверие к кому надо.

На следующий день Воислав отправил Скорохвата и Дровина разведать, где бывает и что делает стольник царя Романа Гавриил. Лицо, через которое можно было договориться о тайной встрече с царем и передать ему предложение князя. Понятно, почему Воислав выбрал их, из-за их типичной словенской внешности, и поручение они выполняли с блеском.

* * *

Взгляды всех присутствующих сами собой скрестились на Даниле. Молодцов и сам понимал, что он лучший кандидат, и не стал ждать приказа, тем более ему есть за что отдавать долги Воиславу.

– Я пойду, батька, – твердо сказал Данила.

– Добро, – Воислав кивнул. – Одежку тебе подберем и оружие подходящее. Осталось подумать, как тебе во дворец попасть.

– Батька, – сказал Дровин, – у церковей болгарских на паперти нищие сидят да калеки, милостыню просят. Среди них можно затесаться.

– Что, прямо так всех пускают? – усомнился Вуефаст.

– Нет, конечно. Серебро кому-то нужно заслать. Но я с одним стражником сегодня выпивал, он завтра как раз у ворот дежурит. На серебро больно падкий. С ним можно договориться, он пропустит во дворец. А дальше Даниил уж сам.

– Сделаю, батька, не беспокойся, – согласился Молодцов.

Обережники еще некоторое время обсуждали детали плана, напутствовали Данилу, советовали, потом разошлись, остались только Шибрида, Клек и Будим. Самые близкие соратники.

– Ну что ж, держись, Даниил, я в твою удачу верю, – хлопнул по плечу Будим.

– Ты хитер и умен, как сам Локи, вернешься из дворца, да еще с прибылью, – посулил Шибрида и обнял. – Я знаю, вам, альвам, везет, – добавил он шепотом. Данила вздрогнул.

– Пусть удача будет с тобой, брат, – подмигнул Клек.

Друзья-варяги называли его альвом в шутку, конечно. Откуда Данила родом, варяги так и не пришли к единому мнению. Шибрида стоял за то, что Молодец сын альва и попал к ним, в Мидгард, из Альвхейма соответственно. Клек считал Данилу человеком, но считал, что попал он к ним из «смежных» с Мидгардом миров: Муспельхейма, Йотунхейма или еще какого. К таким противоречивым выводам привел рассказ Данилы о своем времени. Летом Молодцов честно поведал братьям-варягам, откуда он родом и что каким-то неведомым способом оказался в Древней Руси – проснулся как-то на лесной полянке и видит кругом лес, другой.

Несколько месяцев назад Данила всерьез собирался сбежать из окружающего его мира; не то чтобы он точно знал, как это сделать, но теоретическая возможность у него была. А Шибрида и Клек в очередной раз ему крепко помогли, нашли человека, благодаря которому Молодцов мог точно найти место, где первый раз ощутил землю Древней Руси.

После чего Данила рассказал братьям-варягам все о своем необычном происхождении. Скрыть все это от своих братьев, тогда еще только по палубе, было бы просто подло. К удивлению Молодцова, который на своей шкуре хорошо знал, как здесь относятся к чужакам, а он вообще путешественник между мирами, никто от него отрекаться не стал и нанести какой-нибудь вред тоже не попытался. Правда, варяги еще раз, для галочки, проверили, как реагируют на Данилу их амулеты против нежити, и, получив отрицательный результат, принялись обсуждать, из какого же уголка древа Иггдрасиль угодил к ним Данила Молодец. Не из праздного любопытства, а чтобы помочь ему вернуться обратно. Молодцов был в шоке, как за него, пришельца-иномирца, с ходу вписались братья-варяги, потому что он свой, обережник. И как спокойно Шибрида и Клек восприняли всю историю его необычного путешествия! Хотя они, конечно, выросли в другом представлении о магии и окружающем мире.

В итоге обережники все-таки попали в очень большие неприятности, из которых выпутались не без труда. А между возвращением домой и своими братьями по ватаге Данила однозначно выбрал друзей. Потому что вернуться домой он сможет попробовать еще раз, а таких друзей и такую невесту он вряд ли еще найдет, хоть в будущем, хоть где.

* * *

Проникнуть в Царский дворец действительно не составило труда – засветло Данила присоединился к толпе нищенствующих, сам он выглядел соответственно, жаждущих получить подаяние. Молодцов встретился взглядом со стражником, о котором говорил Дровин, с поклонном незаметно протянул ему ногату: серебряный обломок какой-то монеты, похоже арабской, и был благосклонно пропущен внутрь. В самой дворцовой цитадели пахло свежим воздухом и росой, садовники все еще подметали аллеи, и кругом сновало много простого рабочего люда, среди которых Данила не выделялся. Он прошествовал к паперти одного из храмов, какого именно, он понятия не имел, присел рядом с другими нищими, те на него внимания пока не обратили. Очень скоро мимо них потянулась чередой богатых и знатных горожан столицы,

встречался и народ попроще. Раздался колокольный звон, и слышались церковные песнопения, Данила стиснул зубы, во всем этом промелькнуло что-то родное, чего давно не видел на этой земле. Служили в болгарских церквях на словенском языке; может быть, это вызвало у Молодцова приступ ностальгии, или было что-то еще? Особо верующим он никогда не был, хотя бывал с папой, мамой и братьями в храмах на большие праздники. Данила провел все утро, слушая христианские песнопения, и сам не заметил, как служба кончилась. Обратились важные граждане: бояре (боляре, как их тут называли), воины-сотники, купцы. Даниле даже перепало несколько серебряных монеток, так что у него получилось даже отбить плату за вход. А вот потом началась другая история.

К Даниле подвалило двое попрошаек в рваной одежде, благодаря которой их можно было назвать нищими, а вот изможденными голодом никак нельзя. Один повыше и покрепче, но с туповатым выражением лица, другой пониже, с бегающими глазками и подвижным лицом, видимо «мозг» команды, поскольку он задал первый вопрос:

– Ты кто такой? – Рукам он не мог найти покоя, и как только просидел столько часов, а второй, туповатый, продолжал пялиться... тупо.

– Я? Простой бродяга, – улыбочиво ответил Данила, – узнал, что тут можно набить живот и есть где поспать в тепле. Вот и пришел.

– Ты что ж думаешь, вот ты пришел, и все тебя прям ждали?

– А что такое, я человек добрый, всем нравлюсь, – старался прикинуться простаком Данила, – работать умею, людей уважаю. Здесь мне будет самое место.

– Хех, – сказал попрошайка, – так просто место тут не занять, тут серебро платить надо.

– А серебро у меня есть, веди к главному, я ему отдам сколько скажет.

– У тебя серебро есть, покажь! – Туповатый попрошайка потянулся к Даниле. Обережник взял его кисть на захват, придержал и оттолкнул.

– Я же сказал, серебро отдам самому главному, где он у вас?

Молодцов старался держаться максимально просто и открыто, мол, не воинским приемом руку заломил, а просто отмахнулся. Он обычный деревенский парень, который не будет отдавать свое за так.

– Да погоди ты, куда нам спешить, пошли лучше поедим. Меня Сашко зовут, а его... – взмах в сторону тормознутого компаньона, – Радан.

– А меня Даниил зовут, можно просто Даней. Пойдемте куда-нибудь там, поесть – это всегда вовремя.

Данила обрадовался, адаптироваться временно получилось, и есть возможность разведать обстановку.

Втроем они пришли куда-то к монастырской столовой, где бесплатно раздавали еду. В очереди были не только «профессиональные нищие», но и действительно нуждающиеся. Молодцов с компаньонами получили свою порцию с супом и по куску черствого хлеба. Вместе они отправились поесть подальше от чужих глаз, а то еще работать заставят. Устроились на выбеленном фундаменте чьего-то хлева, потому что запахом навоза тянуло заметно. Данила при этом предусмотрительно сел на угол, чтобы не оказаться в ситуации: двое незнакомых друзей сидят по бокам.

– Ну что, рассказывай, Даниил, кто ты да откуда? – спросил Сашко, вытирая коркой хлеба остатки супа.

– Да что обо мне рассказывать, один я, с тех пор как степняки мою деревню сожгли. Вот брожу куда глаза глядят. Ты лучше расскажи, как вы здесь живете, что делаете, чем на хлеб зарабатываете?

– На хлеб можно по-разному. Можно милостыню просить, ты не думай, что это так просто, надо много собирать, потому что большую часть ты общине отдавать будешь. А если будешь сидеть мух ловить, тебя быстро определят, вот хотя бы извести под купола таскать, да

по доскам. Оттуда глянешь вниз, мама родная, оступишься, и только мокрое место от тебя останется. Ну это все как Камен решит, он у нас в общине главный. Ну и еще монахов, конечно, слушай и воинов из сотни. Заправляет всем у нас по хозяйству ключник Димитр, хороший муж, правильный. Поблажек никому не дает, но так, чтобы издевается, не бывает, а вот помощники его, особенно десница Богдан. О, вот это пакость, каких мало, – Сашко аж затрясся от негодования, – мимо пройдет, так обязательно работу заставит делать, какая не нужна, а потом придет скажет, что все не то и по морде съездит. А ты вкальвай, хоть всю ночь до заутрени. Чтобы ему чирей на уд послали, чтобы у него... – Сашко изверг из себя отборный поток брани и проклятий, Радан в это время сказал просто: «Я отлить», и ушел. И Данила потерял его из поля зрения, это было его ошибкой. – В общем, кабы его тут совсем не было, здесь, почитай, почти рай на земле был бы. Ну если только работать будешь и не крысятничать.

Попрошайка подозрительно покосился на Молодцова. – Не, это я не буду, – ответил он. – Ты лучше скажи, где здесь такое место, чтобы работать поменьше, а еды получать побольше.

– Вот это ты хватил, ну ты наглый, конечно, Данила. Не пропадешь! Тебе, наверное, в Академию надо!

– Чего?! – Данилу реально переключило, здесь, в Средневековье, Академия! Он точно оказался в том времени, о котором думал?

– Вот ты темный. Конечно, Академия у нас при монастыре. Монахи там живут да дьяки. Всех письму учат да Писание читать! – с придыханием и уважением рассказывал Сашко об обучении грамоте. – Дорогих свитков из пергамента там уйма! А монахи да дьяки все читают и пишут на них. Вот такое чудо у нас под боком, представь.

– Ага, – согласился все еще удивленный Молодцов.

– Там работы действительно немного, могут приставить тебя к дьяку какому-нибудь, будешь ходить за ним, свитки таскать, словом, делать, что скажет. Или в классах будешь убирать, тоже работенка непыльная. Только абы кого туда не берут, ты умом сперва блеснуть должен, показать, не запорешь ли пергамент какой по глупости. Ну и серебра надо заслать немало. Сколько у тебя?

– Хватит, думаю.

– Покажи его! – Радан повторил свой вопрос.

А к горлу Данилы прикоснулся холодный металл, но отнюдь не тот, о котором только говорили. А обычное железо.

«Лопухнулся! Пропустил обыкновенного попрошайку, обережник, блин!» – подумал Молодцов.

Одной рукой Радан обхватил его за грудь, а второй прижимал нож к горлу, острием к подбородку. Сашко сделал вид, что тут как бы не при делах, но глаза так и сверкали.

– Эй, ну что, раз ты так хочешь, покажу тебе мое серебро. Руки ослабь, оно у меня за пазухой.

И когда Радан ослабил хватку, Данила, сложив ладони крючками, сбил его руку с ножом вниз, одновременно встал и наклонился вперед. Попрошайка перелетел через его спину и ухнулся на землю, Молодцов выкрутил руку с ножом и направил его острием в грудь своему хозяину.

– Исчезни, – рыкнул Данила, и Сашко как ветром сдуло. – Серебра моего захотел, а может, своего железа в грудь примешь, понравится тебе такое? – спросил Молодцов, стараясь унять злость; гнев в груди так и клокотал.

– Ой, не надо, не надо, – запричитал попрошайка, пуская слезы и слюни, и что-то залепетал совсем уж непонятно, похоже, он реально был умственно отсталый.

– Так-так, что же делается?

Данила вскинул голову, а вот это уже серьезно. К нему приближались пятеро. Один в центре одноногий, но выглядел он опаснее всех.

Молодцов крутанул кисть в захвате, Радан взвыл, но нож сам выпал у него из руки. Данила схватил его, воткнул в стену позади. Сам прижался к ней спиной, из правой руки у него едва выглядывало изогнутое лезвие, подарок Айлада, чуть длиннее пальца, но вскрыть им брюшину или перерезать артерию как нефиг делать. Пальцы левой руки нащупали шнурок кистеня.

– Камен, он...

– Цыть, – прикрикнул одноногий, и Сашко исчез обратно за группу поддержки. – Что ж ты творишь, молодой?

– Я не молодой, я Молодец, – ответил Данила и взглянул ему в глаза. И сразу все понял.

Телосложением главарь попрошак был крепок, правой ноги у него не было, он опирался на длинный костыль под мышкой. Ручищи – Молодцов своей рукой запястье не захватит, живот, обтянутый дерюгой, скорее, по большей части не жир, а мышцы, и через всю правую половину лица тянулся длинный кривой шрам. Но главное – взгляд. По взгляду Данила сразу определил: перед ним стоит воин. Пусть покалеченный. Воин – это не мышцы и умения, это состояние духа. И точно так же по взгляду был раскрыт Данила. Камен увидел в нем не упрямого крестьянина, а воина, зачем-то забредшего в Царский дворец. Остается надеяться, что Молодцов был раскрыт как воин, но не как лазутчик.

– Молодец, так вот ты кто такой. И что же тут ищешь?

– Я ишу здесь кров и еду и готов за нее заплатить уважаемым людям... по Правде, – подумав, добавил Молодцов.

Камен не сделал шага вперед, думал, его подручные не спешили. Данила стоял у стены, стараясь прятать волчий оскал. Их пятеро, он один, но пусть пробуют его взять сначала, пускай с ними покалеченный воин, Данила сам много стоит в бою.

– Если по Правде, то можно всех уважить. Не к месту тут проливать кровь.

Молодцов выпрямился, перестал стоять в угрожающей стойке, к нему не приблизились.

– Кровь вообще негоже проливать, нашему Богу такое не любо. – Данила выудил из-за рубахи нательный крестик и перекрестился. – Лучше работой пользу принести своему роду и старшим в нем.

– Правильно говоришь.

Главарь попрошак не решился на него нападать. Или это ловушка. А может, этот Камен решил, что ему не сладить с Данилой или, что скорее всего, победа обойдется слишком дорого. В любом случае история с Раданом научила Молодцова осторожности, и он был начеку.

– Кушак, ты здесь постой, как было, у Сашко спроси, а я с Молодцем пока поговорю. Остальные идите-ка погуляйте покамест. Ну здравствуй еще раз, Молодец. – Камен без страха подошел к обережнику, убрал костыль и легко сел на крашенный фундамент, опираясь на одну ногу, Данила остался стоять. – Зачем же ты сюда пожаловал?

– Мне еда нужна, и кров, и работа неприметная. Лучше в вашей этой Академии, чтоб я не на виду был. За помощь заплачу, сколько скажешь.

– Вот оно что. Ну тут я помочь не смогу. От тебя самого зависит.

– А ты посоветуй, хороший совет дороже золота бывает.

– Хороший совет, говоришь? Ты садись, в ногах, хе-хе, правды нет.

На этот раз Данила прислушался, сел рядом с местным лидером, оставаясь по-прежнему настороже.

– Я вижу, ты парень ушлый, смелый, такому не грех и помочь. Может, и сладится у тебя все. Тебя сейчас отведут к младшему ключнику, Христо, он как раз за послушниками в Академии смотрит. Если понравится ему так же, как мне, то пристроит тебя к какой работе. Нет, найдем другую. Только если ты в тепле окажешься, о братьях своих не забывай.

Камен повернул голову и впервые за весь разговор посмотрел в упор на Данилу. Молодцов увидел, что один глаз у него слеп, зато второй глядит остро, как будто просверлить хочет. Чем-то этот взор напомнил взгляд Воислава.

– Не волнуйся, не забуду, – четко ответил Данила.

Камен его еще немного побуравил взглядом и вдруг крикнул:

– Сашко! – Попрошайка проворно подбежал, заглянул главарю в лицо. – Отведешь его к ключнику Христо да расскажешь, что хороший хм... молодец.

– А как же...

– Что?!

– Ничего, все понял, пошли со мной, Даня, все сделаю. Сашко расплылся в угодливой улыбке и поманил за собой, Молодцов пошел, не выпуская нож из руки. Очень быстро они нашли кого искали. Невысокий, но очень, скажем так, широкий священник шествовал куда-то по каменной тропинке, сложив руки на животе и задрал голову, будто окружающего мира не существовало. На шее у него висел отливающий серебром крест такого размера, что Данила подобных ему еще не видел.

– Господин Христо, господин Христо, – засеменял рядом Сашко.

– Сколько раз тебе говорить, бестолочь, – все так же погруженный в себя, сочным басом ответил священник, – зовут меня не Христо, а Христофор!

– Простите, господин, такого имени мне и не вымолвить.

– Ну чего тебе?

– Господин, вот я привел человека, в Академии работать хочет.

– В Академии?!

Священник остановился и впервые заметил Данилу. Удивился, оглядел его сначала поверхностно, потом заинтересованно.

– И с чего ты взял, что тебя возьмут в Академию?

– Ну я... греческий алфавит знаю, – невозмутимо ответил Молодцов.

Священник вытаращил на него глаза.

– Ты откуда?

На самом деле выучил алфавит Данила не далее как пару дней назад. Они с Воиславом думали, как же лучше пробраться в Академию, чтобы меньше привлекать к себе внимания, и решили, что надежнее всего будет легально устроиться на какую-нибудь подсобную работенку, а чтобы Молодцова взяли без лишних вопросов и именно туда, куда надо, нужно было выставить себя в выгодном свете.

«Ну может, мне какой алфавит им рассказать, – наобум предложил Данила, – только я греческий вряд ли расскажу, но если несколько букв буду знать, все же польза будет».

Воислав сначала к идее отнесся с прохладцей, счел лишней тратой времени, но когда Молодцов с ходу стал записывать греческие буквы, свое отношение изменил. Воислав греческий знал, умел не только изъясняться, но и писать. Разбирал он и тьмутараканское письмо, в котором Данила впоследствии узнал знакомую кириллицу, которая вскоре должна завоевать все земли к востоку от границы Германской империи. Данила, естественно, алфавит легко выучил, запомнил и несколько букв древней кириллицы, но вот дальше дело не пошло. Запомнить все эти спряжения, лица, времена, в каком времени нужно писать по-гречески так, а в каком по-другому – Молодцов просто не мог, мозги искрились. Воислав и не настаивал, сказал: «Пока этого достаточно».

Если он и удивился необычным навыкам Данилы, то виду не подал, он давно привык, что в его ватаге необычный обережник.

«Давай лучше так попробуй, напиши свое имя, но греческими буквами», – предложил батька.

«Как?!»

«Ножом, вот тебе доска, ты алфавит знаешь, вот его буквами и пиши».

Данила почесал за ухом, но попробовал изобразить свое имя по-гречески.

«Да уж, каллиграфом тебе не быть и грамоте не учить тоже, – оценил работу Воислав, – но в принципе верно. А будут спрашивать, как научился, скажешь вот что...»

– Ты откуда? – спросил Христофор.

– Я в приказчиках у купца был из Тьмутаракани. Он в разные земли по Росскому морю плавал. У него и выучился алфавиту и как, ну, слова по-славянски греческими буквами записывать. И еще немного знаю... тьмутараканское письмо, тоже только алфавит, – чуть не сказал «кириллицу», – а потом корабль наш пираты взяли, меня на рынке продали в Анатолии, но я сбежал, спасибо византийцам, по землям разным бродил и вот в Булгарии оказался. Ну как, гожусь я для Академии?

Идея про запись словенских слов греческими буквами была чистой правдой. Купцы так всю вели дела с Константинополем, но в последнее время, по словам Воислава и Путяты, такой способ все больше уступал тьмутараканскому письму.

– Ты что ж, хочешь, чтоб тебя грамоте учили? – изумился священник.

– Да нет, конечно, но вдруг дело для меня какое найдется, а я сильный и руками работать умею.

Тут Данила соврал, плотник из него, по местным понятиям, никакой, но в такой ситуации лишь бы день простоять да ночи дожждаться.

– Хм... а что еще можешь?

– Еще, – Молодцов раскинул мозгами, – еще я арабский счет знаю.

– Чего-чего? – Этот день был и впрямь днем удивлений для ключника Христофора.

– Ну есть римские цифры, а есть арабские, дайте что-нибудь острое, покажу.

И, не дожидаясь ответа, Данила взял палочку и принялся рисовать на песке клумбы.

– Вот римские цифры, а это арабские, они в разных странах по-всякому пишутся, у нас так. – Молодцов нарисовал хорошо знакомые ему числа. – Их складывать не надо, и в них есть ноль, это как сказать... ну ничего. Если он стоит после единицы, значит, это один десяток, если два, значит, сотня. Ну и складывать-вычитать их проще.

Молодцов быстро провел вычитание столбиком и объяснил, что он делает.

– Мда, слышал я, что агаряне² такой счет ведут, – задумчиво почесал бороду Христофор, Сашко стоял вообще прифигевший. – Виден в тебе купеческий приказчик.

Данила скромно умолчал, что Путята мог такие вычисления в уме проводить, причем без всяких записей, что у любого компа материнка расплавилась бы. А он так, любитель и небольшой опыт работы в фирме отца, еще в той, прошлой жизни.

– Что ж, определим мы тебя куда-нибудь, а там вести себя будешь коли послушно и прилежно, не пропадешь, спаси Бог. Иди за мной.

– Ага, иди, мы еще встретимся, – напоследок Данила похлопал по плечу Сашко.

Христофор привел Данилу в какую-то комнату в подвале с низким потолком, больше походившую на пещеру. В ней размещались две койки и столик, на котором стояла плошка с жиром и торчащим из нее фитилем, потухшим.

– Вот эта койка твоя, сейчас пойдешь к брату Никодиму на кухне, он тебя запишет и будет еду выдавать. Сегодня познакомишься с братией и трудниками, а завтра тебе дело найдем. И смотри у меня, на вечерню не опоздай.

Священник помахал перед носом Данилы пудовым кулаком, а потом развернул ладонь тыльной стороной. Молодцов запоздало сообразил, что ее надо поцеловать.

– Ну обустраивайся тут! – бросил напоследок он, а Данила принялся выполнять его указание.

² Одно из названий народа арабов.

С помощью природного обаяния, наглости, а также внутренней уверенности воина Молодцов почти сразу стал своим на кухне. Ну и еще благодаря парочке анекдотов. А под вечер всех позвали на службу. Данила вместе с другими разнорабочими, всего их собралось человек тридцать, спустились теперь в прямо-таки настоящую пещеру, тускло освещенную свечами. У алтаря тощий молодой дьяк начал нараспев читать псалтырь. Молодцов мало что понимал, даром что слова были словенские, но эмоционально проникся. Возможно, просто это напомнило ему, что осталось там, в будущем, а может, на него так подействовала близость к Богу?

После службы разнорабочих отправили спать, а на следующий день подняли спозаранку: заниматься хозяйственной работой в самой Академии.

* * *

– Вроде получилось у Молодца, – негромко сказал Вуефаст, опускаясь на стул, на кровати рядом Воислав правил кинжал.

– Откуда знаешь?

– Дровин видел, как его какой-то жрец увел куда-то.

– Это хорошо, лишь бы стольник тот не тянул, побыстрее за свитками новыми пришел.

– Царь Роман быстро читает, что ему еще остается под замком у Самуила. – Старый варяг издал смешок, похожий на кашель.

– Завтра точно ничего не выйдет, и к лучшему, проще будет с тем боярином встретиться, – отметил Воислав. – Хотя вижу, гиблое это все дело, крепко тут все Самуил держит, да и не ждут тут Русь.

– Да, богатая земля, – Вуефаст оперся на колени и предался воспоминаниям, – а помнишь, какой она была, когда ты первый раз ее увидел?

– По мне, так она не сильно изменилась, и не смотрел я на болгар, а спешил в Константинополь по зову старшего в моем роду.

– Тогда я и не мог подумать, что мой племянник примет крест, – улыбаясь, ответил Вуефаст.

– Неисповедимы пути Господа. – Воислав со щелчком вогнал кинжал в ножны. – Я тоже не думал, что придется со скоморошьей бородой тайны для князя выведывать, но главное, чтобы сейчас Даниил не оплошал.

– Не оплошает, зря, что ли, ты его к себе в ватагу взял? – уверенно сказал Вуефаст и усмехнулся той усмешкой, от которой у врагов варяга холодело нутро. – Сам же говоришь, Господь направляет тех, кто в него верит.

– Вот именно, тех, кто верит.

– Я вот только думаю, что жаль, завтра тебя не смогу прикрыть, стар я стал для лазанья по стенам в темноте, а отправиться в Ирий, сверзившись со стеночки... нет, Перун меня не поймет.

– Тебе ли думать об Ирии, старший, ты нас всех переживешь, а Айлад справится, он и ромейский хорошо знает.

– Я знаю, о чем говорю, – глядя в никуда, с неизменной улыбкой повторил варяг. – А ты вечно мне перечишь. Эх, ладно, пойду я. У дверей я оставил Будима и Мала, упредят, если что.

* * *

Засветло Данилу и других трудников привели в здание Академии, убраться, зажечь лампы и так по мелочи все в порядок привести, работали вместе миряне и монастырские послушники. С восходом в Академию потянулись ее профессиональные кадры: монахи, дьяки, послушники. Данила их не отличал по сану, только по возрасту: седых старцев, крепких мужчин и шепутных отроков, по возрасту совсем подростков. Само здание Даниле понравилось, оно не было большим, самый маленький корпус универа, где он учился, и то побольше будет, каменное, несколько этажей, высокие стрельчатые окна, через которые свет заливал все помещение. На первом этаже множество столов, на втором и выше отдельные кабинеты, ком-

наты и стеллажи с рукописями. Достаточно уютное светлое помещение. Весь персонал сперва, конечно, помолился. В одной из молитв славили каких-то седьмочисленников, кто это были такие, Молодцов сперва не въехал, но прозвучавшие имена Кирилла и Мефодия натолкнули на верные мысли. Неужели те самые создатели азбуки?

После обязательной хвалы Богу все, наконец, принялись за работу, монахи и дьячки расселись по столам, начали пристально корпеть над пергаментом. А Данилу запрягли работать на второй этаж, таскать со стеллажей ящики с бумагами. Должно быть, из-за его роста, среди современников он им не выделялся, среди обережников тоже, но в Академии выше его почти никого не было. Все-таки работа была легкая, но именно пыльная.

Через пару часов Молодцов получил разрешение отдохнуть и пошел подышать свежим воздухом. Глядя сверху, опираясь на перила, ограждающие террасу второго этажа, на зал внизу. Там все занимались своим делом. В одном углу на возвышении прямо у окон за могучими столами несколько солидных писцов что-то корябали на пергаменте. В центре в несколько рядов располагались друг за другом парты, иначе не скажешь, за которыми работали молодые послушники. Меж ними прохаживался, строго взирая, высокий подтянутый монах, перебирая четки. Вот он остановился возле одного из отроков, ковырявшегося в носу, и отвесил ему сочный подзатыльник – отрок тут же принялся за работу. Писали тут в основном на кириллице, то есть том самом тьмутараканском письме, как говорил Воислав, которое, выходит, и есть та самая древнеславянская письменность.

«Что ж получается, – подумал Молодцов, – значит, это точно те самые Кирилл и Мефодий, которые создали славянскую азбуку, со своими учениками. А это их последователи, живут тут и работают...»

Данилу вдруг будто прошибло.

Язык, азбука, письменность! Все это родилось здесь: вышло из-под пера старых монахов и их непослушных учеников, переводящих Библию на славянские языки. Из этих стен вышло то, что спустя сотни лет стали называть русским... русское самосознание, русский менталитет. Все это было создано здесь, чтобы со временем облететь весь мир, обрести собственную волю и соединить целые народы, превратившись во что-то новое, трудно выражимое, но не менее важное и реальное, чем клинок под рукой.

Молодцов стоял, пораженный своим открытием, которое все время было у него под носом. Понимают ли все эти люди, которые здесь трудятся, что за труд они совершают, к чему он приведет? Возможно.

– Чего встал тут?! – грозно спросил голос.

Данила вздрогнул; монах с рыжей кудрявой бородой хмурился на него, глядя снизу вверх.

– Да так, хорошо у вас тут, – улыбнулся Молодцов.

И монах вдруг ответил такой же улыбкой.

– А то, но будет прохладиться, иди работай, – уже добродушно напутствовал он.

Данила послушался, но буквально через час он лично убедился в верности поговорки: на ловца и зверь бежит.

Они разговаривали вдвоем, а за ними шла свита из двух вооруженных охранников. Невысокий улыбчивый поп, постоянно лебезящий перед пышно разодетым вельможей. Молодцов спинным мозгом почувствовал: этот сановник ему может понадобиться, но не подозревал, что настолько попадет в цель.

– Послушай, друг, а не скажешь, кто это там внизу? – спросил Данила у первого попавшегося паренька в рясе, несущего ворох свитков.

– Это с отцом Михаилом? Гавриил Асенович, стольник самого кесаря!

Вот после этого и не верь в судьбу! Осталось придумать, как с ним связаться, и побыстрее, если учесть, что велеречивый поп собрался утащить стольника к себе в кабинет.

– Сам царь-батюшка! – крикнул Данила единственное обращение, которое пришло в голову. – Благослови!

И бухнулся на колени. Охрана среагировала с похвальной быстротой и тут же направила на него копьё, но дальше ничего предпринимать не стала, должно быть, потому что сам Данила не давал поводов, а только, игнорируя копейные жала, вытянул руки, сложенные горстью. А в них мелькнул знак князя Владимира: оттиск трезубца на куске кожи. Мелькнул и исчез между пальцами. Но этого хватило.

– Ты что, олух, что несешь! – противно завизжал поп. – А ну выведь его отсюда и высечь.

– Не стоит, отец Михаил, не по-христиански это, за что пороть смерда, за то, что он смерд? – вкрадчивым и сладким голосом поинтересовался стольник. – Лучше отпустить его с миром, от того будет больший толк и монастырю выгода. Ступай своей дорогой, смерд, но помни, перед тобой не наш боголюбимый царь Роман, а всего лишь его скромный слуга Гавриил. На вот, вознеси хвалу Богу и царю Роману, ты удачлив сегодня, – Гавриил достал из кошелька на поясе серебряную монетку и бросил ее.

Данила поймал ее, вытянувшись навстречу благодетелю, и в этот момент стольник, глядя прямо в глаза, прошептал почти одними губами:

«Сегодня ночью, кожевенный переулочек за дворцом».

– Ну что ж, пойдёмте, отец Михаил, что вы хотели мне предложить – житие греческих мудрецов?

Вельможа и духовное лицо удалились вместе с охраной, прошли мимо посторонившегося Данилы, словно он перестал для них существовать, и это его полностью устраивало.

Воспользовавшись общей суматохой и напрягом, когда облеченное властью лицо вторгается в рабочий коллектив, Данила легко покинул здание и, не особо скрываясь, покинул подворье монастыря, направляясь напрямик к стене дворца. По пути Молодцов все-таки не выдержал, обернулся. Над небольшой каменной оградой возвышалось здание Академии; понравилось ему в нем, что скрывать. Дух просвещения, взаимопонимания, доброты витал там, и это было одно из очень немногих мест в мире, где можно было спокойно применять свой интеллект на практике без риска огрести железом по башке и все это использовать на пользу людям.

А что, мелькнула шальная мысль, разобраться с этим князьим посланием и обосноваться в Преславской Академии, греческий, кириллицу и латынь можно будет выучить без труда. Зря, что ли, Данила десять лет в школе языка учил. Грамотные люди здесь в почете, будет Молодцову и высокий чин, и денежное место, и уважение. Перевести сюда как-нибудь Уладу, повенчаться с ней и сидеть писать бумаги да детишек строгать? Наверное, можно будет и Наську тоже сюда переправить как-нибудь, Вакула будет точно не против.

«А как же приключения?! – будто прокричал в голове Данилы другой голос. – Путешествия, страны заморские, сражения? Каждый день писать, перебирать бумажки – это же все так ску-учно».

Молодцов вздохнул и, не оборачиваясь, продолжил свой путь.

Ему быстро удалось найти неохраняемый участок стены, караула то ли не было, то ли на обед ушел. По ступенькам он забрался на гребень, перемахнул наружу, цепляясь за камни, опустился немного ниже, хоть и не скалолаз, общая высота небольшая, метра три-четыре, и спрыгнул вниз, напугав двух прохожих женщин, закутанных в платки по самую макушку.

Оказавшись на свободе, Данила потянулся, выпрямил спину, став прежним бережливым, и быстрым шагом пошел в гостиницу к своим друзьям, при этом даже не подумал поделиться подаренной монеткой со своими недавними компаньонами. Не от жадности, а просто забыл. И эта невнимательность имела далеко идущие последствия.

* * *

– Говоришь, через стену перепрыгнул? – уточнил Камен.

– Как есть так, – перекрестился Сашко, – как паук, хоп-хоп и вниз спрыгнул.
– А в Академию его взяли, бают, будто он и по-гречески писать умеет, и по-арабски, и на кириллице?
– Не, по-арабски только считать, сам видел.
– Хм...
Камен потер подборок, заросший редкой бородой.
– Ну что думаешь, старшой? – подобострастно заглянул в глаза Сашко.
– Что я думаю, не твоего ума дело, и мотай отсюда на паперть, пока костылем по спине не получил, и чтоб не меньше трех ногат принес, – рыкнул напоследок Камен и, задумчивый, побрел к себе в хижину.

Глава 6

Тайная встреча

Данила пил хмельное вино, друзья расщедрились, знали, что он его больше пива уважает, и закусывал горячим соленым мясом. Друзья вокруг смеялись, и Молодцов тоже радовался, что снова в кругу обережников, надежных друзей, а с ними он куда угодно прорвется.

– Как ты его назвал? – спросил Шибрида, дыша перегаром прямо в лицо.
– Царь-батюшка.

Варяг опять захохотал, даже слезы потекли, и так хлопнул своей деревянной ладонью по спине, что у Данилы чуть вино с мясом обратно не вылетело.

– Но это ты хорошо придумал, – одобрил Вуефаст.
– Голова у нашего Молодца соображает, – подтвердил Ломята.

Данила, довольный собой, озирался и поймал взгляд Воислава, полный гордости за своего ученика, а вот это уже высшая награда. Молодцов приосанился и ответил искренней улыбкой.

– За батьку нашего Воислава! – воздел кубок Данила.

И обережники сотрясли комнату дружным рыком. Выпили.

– Ты сильно на вино не налегай, нам сегодня к стольнику царскому идти, не забыл? – спросил Воислав.

– Нам, я думал... – начал Данила.

– Хочу, чтобы ты знал, батька, и мне не нравится эта затея, – проговорил Айлад.

– Вы нас будете прикрывать.

– Со стрелища, ночью, в городе. Это все равно что по коршуну стрелу пускать, когда он в самой высоте парит.

– И все-таки будет, как я сказал, – добродушно пресек разговор Воислав. – А ты, Данила, выпись до заката. Ночь у нас впереди трудная будет.

– Батька дело говорит, – подтвердил Шибрида. – Ну, на посошок, чтобы все удачно сложилось.

Когда Данилу разбудили, Преславу уже накрыла темнота и в раскрытых ставнях загорелись алебастровые светильники либо фитильки в плошках с жиром. У кого на что денег хватало. Хмель в голове почти не ощущался, но все-таки пришлось эту самую голову макнуть в кадку с ледяной водой. Помогло окончательно.

Теперь наступила пора облачатся.

– Шкуру свою оставь, – сказал Вуефаст, – Айлад тебе свою кольчугу одолжит.

О, а вот это новость, Данила отложил личную куртку с нашитыми железьяками. Сначала поддоспешник, потом кольчуга. Молодцов попрыгал пару раз, чтобы броня села как надо, подвигался, привыкая к новым ощущениям. Кольчуга весила ощутимо больше его куртки, зато куда меньше стесняла движения, была прочнее и, самое важное, защищала все тело.

Сверху надеть плащ до колен, из дерюги, свитка по-здешнему, это вообще основная мужская одежда что на Руси, что в Бургарии. Сейчас она не для защиты, а для маскировки. На ноги вместо привычных сапог лапти с обмотками.

В новой одежде Данила вышел из подворья гостиницы, где жила их ватага, не киевского купеческого подворья, а отдельного постоялого двора, который Путята снимал целиком.

Там его встретил Воислав, Данила его даже не сразу узнал. Батка стоял, опираясь на посох, в такой же дерюге, на голове старая меховая шапка, накладная борода непривычно скрывала подбородок, и лицо все было перемазано в саже, так что и не разглядишь, что длинные усы синего цвета, особенно в темноте.

– Запомни, – подойдя, сказал Воислав, – мы холопы болярина Василия из Суржи, в городе по его приказу. Запомнил?

– Ага, а такого болярина ведь нет?

– Как нет? Есть наверняка, боляринов Василиев в Бургарии как блох на собаке.

Молодцов понимающе усмехнулся.

Вдвоем обережники побрели по узким и вонючим улочкам Преславы. Как казалось Даниле, издалека их и вправду не отличить от простых крестьян: ни дать, ни взять – староста со старшим сыном по делам из деревни в город приехали. И, по правде говоря, считать себя сыном Воислава Молодцову было лестно даже в таком представлении.

Позади них, где-то метрах в полтора, шли Дровин и Айлад, Данила их не слышал, но знал, что они идут по их следу, и ему от этого становилось спокойней на душе. Конец посоха вдруг уперся Даниле в грудь. Вот он, кожаный переулочек, они на месте. Озираясь, нормально для крестьян, бредущих по ночной улочке, продвинулись чуть вперед. Мда... воняло здесь знатно, несмотря на то что все лавки закрыты. Даже вонь сточных канав напрочь перешибало.

«Зато тут собакам след трудно будет взять», – утешился Данила.

И внезапно сообразил, что стольник, оказывается, знал, где назначать место встречи, не случайно его выбрал.

Из темноты послышался размеренный стук, Воислав с Данилой насторожились, но продолжили идти. Звук приближался, совсем скоро тусклая полоска света из неплотно закрытых ставней осветила скрюченную фигуру с клюкой. Батка коснулся правой руки Данилы, знак: не расслабляйся. Молодцов внутренне собрался, под дерюгой у него пояс с мечом и кинжалом, и в случае опасности он, не раздумывая, пустит их в ход против того, на кого укажет батка. Обережники дали пройти старухе, а потом по знаку Воислава двинулись за ней вслед. Данила сначала не поверил, что это их «связной», но вдруг из-под ветхого одеяния вытянулась рука с клюкой, а на пальце блеснул золотой перстень. Клюка указала в проулок между лавками, и обережники последовали за ней.

Проулок заканчивался вонючим тупиком, где воняло еще сильнее, чем в переулочке. У стены старуха вдруг выпрямилась и оказалась царским стольником. Какой актер пропадает, Данила его так и не раскусил: и осанка, и манера движений, а вот Воислав, похоже, сразу просек, что к чему.

– Давай! – Стольник протянул руку.

– Что именно? – спросил Воислав после кивка Молодца, удостоверившего, что это тот самый поверенный царя. Во всяком случае, тот человек, которого он видел в Академии.

– Послание князя.

– Нет.

– Что значит нет?

– Я отдам письмо только лично царю Роману.

– Тихо, – прошипел Гавриил, – ты что, варяг, не понимаешь, что к чему?

– Это ты, холоп, – Воислав скривился, – не понимаешь, что к чему. Письмо я отдам только Роману и еще несколько слов скажу лично. Да и письмо само не при мне. За дурака меня держишь?

Царский стольник покрутил головой, будто ожидал, что сквозь стены за ним могут наблюдать.

– Хорошо, долго ты будешь в Преславе?

– Достаточно.

– Ну хорошо, тогда через два дня здесь же. Меня увидишь, значит, все сладится, нет – значит, нет. Понял?

– Понял.

– А борода у тебя, варяг, дурная, любому видать, что накладная, – мерзко хихикнул напоследок стольник.

И пошел к выходу из подворотни. Данила было направился за ним, но Воислав удержал. Гавриил скрылся из виду, но только через триста ударов сердца батька разрешил выходить. В самом переулке пропел совой один раз, в ответ три таких же крика.

– Все обошлось, с Божьей помощью, – Воислав перекрестился, – пошли, что ли, к своим.

Весь следующий день Данила отсыпался. Ни друзья, ни купеческие приказчики его не беспокоили, только служанка еду приносила, но на второе утро дверь открыла не она.

– Пошли мечами помахаем, – сказал батька, – что-то ты совсем разнежился, забыл, что у меня учишься.

– Ага, я сейчас. – Сонное настроение мигом исчезло, Данила бросился искать свою одежду.

Воислав, конечно, не стал его ждать, встретились они уже на самом подворье, где другие обережники тоже разминались. Прислуги кругом не наблюдалось, все работали в доме и выходили только с разрешения Путяты, это тоже было условием купца и отдельно оплачивалось. К своему удивлению, Данила среди купеческих охранников увидел Бенема, который вместе с Айладом и Дровином пулял стрелы в соломенное чучело.

– Чего это он? – спросил Молодцов.

– Стреляет, не видишь, и получше тебя. Лучше скажи, как у тебя от лени голова не болит, спина не ломит? – спросил Воислав, нахмутив брови.

– Не-а. – Данила, пока сбегал с лестницы, успел сделать кое-какую зарядку, разогрелся, в общем.

– Тогда атакуй, – приказал батька.

Данила, не задумываясь, выполнил приказ, схватил рукоять меча, рука ощутила знакомую тяжесть, дальше тело словно само выдало комбинацию. Показать укол в лицо, отдернуть меч, выбросить укол в бедро, который сам собой превратился размашистый проносной удар сбоку. Воислав, разумеется, отошел на безопасную дистанцию.

– Неплохо, – одобрил он.

Данила вздрогнул, острие меча шуйцы³ батьки вдруг оказалось в сантиметре от его переносицы. Второй меч Воислава по-прежнему оставался в ножнах.

– Ты атаковал человека со щитом. Правильно, – пояснил батька, – только когда у воина в левой руке меч, все по-другому, ведь так?

Синие усы приподнялись в усмешке.

– Ага. – Данила сглотнул, острие меча все еще смотрело ему между глаз, а рука, держащая его, не дрожала, и вообще казалось, что варяг так может простоять весь день.

– Чем лучше щит? – Воислав не дождался ответа, видимо, этот вопрос был риторический. – Тем, что им можно закрыться полностью, прикрываясь им, можно набежать на врага,

³левой руки.

ударить его, перекрыть ему обзор и в этот миг отрубить ему ногу. – Меч шуйцы вдруг описал дугу и ударил Данилу по бедру. Плашмя. Не в полную силу, конечно, но все равно больно, блин. – Мечом же закрыться трудно, особенно если у противника секира, но им проще атаковать, не важно, куда и как. – Клинок Воислава пролетел над головой Данилы, так что ветер взвихрил волосы. – Хочешь, коли им, руби, взрезай жилы. В этом и преимущество обоерукого боя, ты бьешься в обе стороны, в обе стороны смотришь, и каждый раз по-разному. Обманываешь, атакуешь, обходишь и бьешь. И в этом же его слабость, упустишь момент, не уследишь за врагом или врагами, надейся только на Бога да на крепость своих доспехов. Лови!

Воислав бросил ему меч десницы, Молодцов, заслушавшийся речью батьки, все-таки сумел поймать меч.

– Сейчас ты будешь отрабатывать махи от себя и к себе, поверху и понизу. Каждой рукой разные, и чередовать их будешь постоянно, чтобы не было больше трех одинаковых движений одной рукой. Мы с Шибридой встанем по сторонам и будем принимать на палки эти удары, в любой момент мы можем делать выпады. Ты их должен отражать. Одной рукой – понял? Второй продолжать держать рисунок. Усвоил?

– Вполне, – кивнул Молодцов.

Сначала он думал, у него взорвется мозг от такой нагрузки на вестибулярный аппарат, но потом Данила нашел выход. Перестать думать! И позволил телу самому рисовать нужные движения. Самое сложное было не заикливаться, не повторять одни и те же движения, чтобы в бою их было не просчитать. Поэтому приходилось прибегать к минимуму расчетливой деятельности. Тут, конечно, Шибрида с Воиславом помогали. Чуть Данила увлечется, ему сразу прилетало палкой в бок или по ребрам, по голове учителя все-таки не били.

«Все-таки хорошо, что решил не стать писарем», – подумал Молодцов, только эти мысли никак не сказывались на работе мышц. Они как бы шли отдельно.

– Хорош, – приказал Воислав, против обыкновения не загоняв своего ученика до изнеможения.

– Но я могу еще, – тяжело дыша, ответил Данила, руки налились тяжестью, но еще не отказывали.

– Хватит, я сказал, – отрезал батька, – иди повиси вон на той деревьях, а потом конем своим займись, а то скоро тебя узнавать перестанет. А потом собирайся, не забыл, куда идем?

Шибрида лишь похлопал друга по спине. Данила понимал, что варяг охотно бы пошел вместе с ним, а лучше вместо него, но так уж сложилась судьба.

Обережники и приказчики собирали повозки, запрягали коней и складывали товар, так что помощь Данилы на конюшне была с руки. Как только они с Воиславом выйдут за ворота передавать княжье послание, весь купеческий караван покинет столицу Булгарского царства, чтобы не бросить тень на славного торгового гостя Путятю, но далеко они не уйдут, разобьют в поприще от города лагерь и будут ждать тех, кто остался в Преславе.

Лишний стимул для Воислава, Данилы и остальных сделать все как надо и как можно быстрее, ну и покончить уже с княжьем службой.

Вновь Молодцов и Воислав шли по вонючей узкой улочке, им навстречу, как и прошлый раз, вышла «старуха» с клюкой, на этот раз золотой перстень никто не показывал, но обережники молча последовали за своим проводником. Все спустились реально в сточную канаву, подошли к здоровенному валуну.

– Ну что стоите, помогайте! – Тут Гавриил откинул капюшон, просунул непонятно откуда взявшийся шест под булыжник.

Воислав кивнул, Молодцов присоединился к царскому стольнику, вместе они сдвинули валун в вонючую жижу. Мда... Данила знал, что политические игры грязное дело, но не думал, что настолько буквально все происходит.

– Проходите. – Гавриил встал сбоку от черного зева, держа в руке зажженный светильник.

– Нет, ты первый, – отрезал Воислав.

– Мне камень нужно на место поставить, чтобы тайный ход не нашли.

– Мы справимся, а куда этот тоннель вообще ведет?

– Под дворец, в царские сады.

– Вот ты и иди первым, мы камень на место поставим, ты только светильник тут оставь.

Гавриил неодобрительно хмыкнул, но лампу поставил. Изнутри у камня оказались удобные углубления, так что Данила с Воиславом легко втащили его на место и оказались в темном вонючем тоннеле.

– За мной, – шепнул Гавриил.

Княжьи послы направились вслед за стольником, шагая по склизкому полу тайного хода. Он вел под уклон вверх, так что Данила пару раз оскользнулся, но Воислав помог, удержал. Гавриил шагал уверенно, сразу было видно, что идет он этим путем далеко не в первый раз. Постепенно вонь стала спадать, может, правда, Данила просто привык к ней? Гавриил тихо сказал:

– Стойте. Осторожно, тут ступеньки.

Он первым поднялся наверх и со скрежетом сдвинул каменную плиту.

– Сюда, быстрее, проходите, – замахал рукой стольник. Воислав и Молодцов один за другим выскочили наружу, в нос Даниле ударил свежий воздух, смешанный с ароматом травы и цветов, от этого он испытал ощущение, близкое к пику кайфа.

– Что вы тут шляетесь, пригнитесь, смотрите туда, – зашипел снизу Гавриил.

Воислав тоже на миг потерял контроль, вдыхая свежий воздух, они оказались между каменной стеной и беседкой, окруженной подстриженными кустиками. В беседке, судя по теням от пламени свечей, сидели люди.

«Туда», – одним жестом показал Гавриил.

Охранники не спеша стали подходить к беседке, все еще оставаясь настороже.

– Ближе не подходите, – остановил их голос у самой зеленой ограды. Позади из потайного хода выбрался Гавриил.

Голос Даниле не понравился, какой-то бесцветный, высокий, немного гнусавый. Ну да по внешности не судят. Их собеседник обернулся. Лицо его было трудно разглядеть из-за бьющего в глаза света свечей, но когда зрение привыкло, Данила смог кое-что увидеть: небольшая подстриженная борода, горбатый нос, сощуренные глаза, лоб с залысинами. Другой держался в тени, и его вообще было не разглядеть.

– Покажите! – потребовал их собеседник.

– Даниил, – приказал Воислав.

Тот вынул из-за пазухи и протянул кусок кожи со знаком Владимира, оттиснутым на ней трезубцем, хотя, на взгляд Молодцова, он больше походил на какие-то столбы, выставленные в ряд.

– Хорошо, я тот, кто вам нужен, – сказал, выходит, царь Роман тем же бесцветным голосом.

Воислав улыбнулся, у него в ладони блеснула золотая монета с портретом какого-то бородатого мужика, он перевернул ее, на другой стороне было отчеканено лицо, в самом деле похожее на того, кто сидел перед ними. Хотя оба портрета напоминали скорее детские рисунки.

– Да, это ты, приветствую, тебя, василевс Булгарии, – Воислав склонил голову, Молодцов тоже. – Прости, что именуем тебя не как подобает.

– Это лишнее, передавай то, что должен, время дорого.

– Как прикажешь.

Воислав отдал царю свиток пергамента, тот его раскрыл, быстро прочитал, что-то язвительно сказал своему собеседнику, похоже, по-гречески. Данила греческого не знал, а вот его батька был вполне себе полиглотом, но он не стал расстраивать царя этой информацией.

- Архонт Владимир предлагает мне те же условия, что и моему брату?
 - Это еще не все, князь просил передать на словах.
 - Что именно?
 - Он хочет, чтобы ты и преславский патриарх титуловали его василевсом и отдали за него дочь Петра, ведь у тебя есть еще сестра?
 - Да, но ее выдали за одного из комитулов, который, правда, скоро почил, сейчас, насколько я знаю, ее собираются сослать в монастырь, Впрочем, не уверен, – тем же абсолютно бесстрастным, лишенным эмоций и усталым голосом ответил царь Роман.
 - У меня есть с собой люди, если это необходимо, мы могли бы...
 - Потребовать дочь царя, христианскую царевну, отдать замуж за язычника, как это... по-скифски, – перебил Воислава Роман.
 - Твой брат и ты согласились на условия Святослава и не были ущемлены ни в чести, ни в титулах.
 - Да, я помню, а еще я помню, как ромеи ворвались в наш с братом дворец, вот в этот самый, а отряд русов в это время убегал прочь из Преславы.
 - Не убежал, а прорвался с боем, – поправил Воислав.
 - Ты был среди них?
 - Нет, я в это время воевал в Сирии, но хочу напомнить тебе, василевс, что византийский кесарь близко, болгарские комиты еще ближе, а Владимир в Киеве. Подумай, василевс, с кем тебе будет проще править.
 - В этом-то и дело... варяг, – вздохнул Роман, – что твой архонт далеко, а его отец еще дальше.
- Он сунул пергамент в пламя свечи, и оно осветило его лицо. Оно было примерно таким, как и представлял Данила по голосу: невыразительное, апатичное, взглянешь на него и не подумаешь, что перед тобой великий правитель, Впрочем, Роман таким и не был, и вряд ли его можно упрекнуть за это. Всю жизнь он провел в заложниках при сильных владыках.
- Воислав пропустил мимо ушей слова о Святославе:
- Но если мой князь окажется... близко, может ли он рассчитывать на твою поддержку?
 - Тогда все будет в руках Бога.
 - А тайные ходы в Преславу, в чьих они будут руках?
 - Неисповедимы пути Его, – после раздумья ответил Роман, – но если он проявит ко мне должное уважение, то и я отвечу ему тем. Что касается женитьбы, то без крещения Владимира ни о какой свадьбе не может быть и речи, но если Владимир твердо решил...
 - Тихо, – перебил царя Воислав, – я слышал шаги.
 - Уходите, – схватил за локоть Данилу Гавриил.
 - Передай Владимиру, что ты тут видел, варяг, – быстро сказал Роман и уже спокойным тоном добавил: – Афанасий, раскрой Писание.

Глава 7

Западня

Царский стольник увел обережников обратно в потайной ход. Уходили князьи посланцы гораздо быстрее, чем шли на встречу. Гавриил задвинул каменную плиту наверху и сам остался снаружи, хорошо хоть светильник оставил. Обережники побежали под уклон по склизкому от плесени тоннелю, Данила и тут не грохнулся только благодаря Воиславу. Вдвоем они откатали булыжник, преграждающий выход, и оказались в сточной канаве. Немного подумав, Воислав все-таки приказал закатить булыжник обратно, с чем Молодцов справился, правда, оказавшись в буквальном смысле по колено в отходах жизнедеятельности преславцев.

Покончив с заметанием следов, обережники, наконец, выбрались из канавы. По идее, никого их вид и запах не должен смутить. Кого удивишь вонью дерьма от крестьянина, хотя кто знает, здесь столица все-таки, свои обычаи.

А по дворцовой стене, нависающей над улочкой, уже забегали факелы. Стражу кто-то поднял по тревоге, серьезные дела намечаются.

– Идем спокойно, не оборачиваясь, по своим делам, – предупредил Воислав. Данила и сам сообразил, не дурак.

Они свернули с кожевонной улицы на какую-то другую, менее вонючую, а во дворце прогудел рог. Со стуком стали раскрываться ставни, жители с интересом выглядывали из своих домов, а прямо навстречу Даниле с Воиславом проворно чесали двое непонятно откуда взявшихся стражников. Как назло, именно в этот момент из-за туч выглянул месяц, достаточно ярко осветив улочку. И вот такая картина: во дворце переполох, все жители высунулись из своих домов, а по улочке спокойно шагают какие-то непонятные два типа; конечно, один из стражников, только чтобы проявить власть, рявкнул:

– Кто такие?

– Холопы болярина Василия, – четко ответил Воислав.

– Что творится?

– А мы откуда знаем?

Тут, возможно, Воислав совершил ошибку, потому что сделал шаг вперед, чтобы обойти воина, но тот не договорил, как он считал, с крестьянином и остановил его. Нет, не схватил, еще чего недоставало, хвататься за какого-то смерда; он ткнул Воислава тупым концом копья:

– Стоять!

Тело варяга среагировало привычно, поворотом корпуса ослабив удар, но главное, древко копья проехало по твердой кольчуге под свиткой.

Стражник на миг замер (плохой воин!), раздумывая, что же это такое случилось. А вот Данила, сразу поняв, каким будет решение, дернул за руку его приятеля; тот, не ожидавший такой прыти от крестьянина, потянулся к мечу, но получил коленом в пах и со стоном осел на мостовую. Воислав же хоть и не обучался во всяких шаолинях, но с шестом тоже обращаться умел. Первый стражник вскрикнул, когда один конец посоха долбанул его чуть пониже колена, и свалился без чувств, когда второй конец ударил его в район шеи.

– Идем так же, как будто ничего не случилось, – твердым голосом, сдерживая гнев, приказал батька.

А преславцы, пялящиеся из окон, вроде бы даже не поняли, что случилось. Обережники скорым шагом свернули за угол, там им встретилось несколько человек с факелами в руках, но в гражданском облачении, на них внимания не обративших, и когда казалось, что все, им удалось уйти, за их спинами раздался цокот копыт.

Пяток всадников быстро приближались, ехавший первым драл глотку:

– Искать чужаков по улицам, не выпускать.

Тут один из не в меру бдительных горожан обратил внимание на Данилу с Воиславом, которые собирались свернуть на очередную улочку, окликнул их и даже вслед побежал.

– А ну стой, кому говорю.

Молодцов встретил его за углом ударом меча плашмя.

– Ну а теперь деру, – сказал Воислав, крикнув во всю мощь: – ПОЖАР!

Но компаньоны факелоносца уже просекли, что происходит что-то не то, и рванули вслед за обережниками, толкаясь с бегущими навстречу горожанами.

– Стой, – дернул за рукав батька. – Жди.

Факелоносцы тут же стали нагонять.

– Ты куда убежал, волчья стервь, – заорал бегущий первым, – а ну...

Воислав выхватил меч, одним прыжком вытянулся в великолепном выпаде. Шапку с мужика смахнуло как и не было, он сам застыл в оцепенении перед варягом, и другие тоже.

– А НУ НАЗАД! – рыкнул Воислав и сделал шаг вперед.

Мужиков как ветром сдуло, да только цокот копыт раздался уже с другой стороны.

– Бежим! – приказал батька.

Раскатистый цокот становился все громче, Воислав вдруг затормозил, знаками показал: «ты – туда, я – туда, ждать приказа».

Данила рванул в узкий темный закуток, его батька укрылся в похожей подворотне. Вскоре на улочке появилось пятеро всадников с факелами. Они гнали коней рысью, пока кто-то не закричал:

– Оружные, оружные вои здесь, я видел!

– Стоять! – крикнул первый всадник в золоченом шлеме. – Разойтись, искать.

Ну что за neprуха?! Вот только не везло сегодня не только обережникам; болгарин, наклонившийся с факелом к темной подворотне, вдруг захрипел и вывалился из седла с метательным ножом в горле. Пока остальные всадники повернулись к своему убитому товарищу, Данила выпрыгнул из своего убежища и рубанул мечом по ногам ближайшей лошади. Жалко животное, но что делать?

Тут уж на Молодцова обратили внимание, а что дальше случилось, он не понял. Две лошади вдруг вскинулись на дыбы, выбрасывая своих наездников, а последний, пятый всадник ускакал прочь во весь опор. За ними обнаружился Воислав, вкладывающий мечи в ножны; одним ударом он добил раненную Данилой лошадь и махнул идти за ним.

Народ все больше высыпал на улицу, переполох усиливался, к редким сигналам рога из дворца теперь прибавился колокольный звон над крышами. На обережников внимания почти не обращали, несмотря на запах и испачканную в грязи и крови одежду: преславцам своих дел хватало. С одной стороны, это было хорошо, а с другой, найти Айлада и Дровина в этой суматохе не представлялось возможным. И выйти из ворот тоже не получится, они сейчас наверняка заперты, и там усилена стража. Так что свалить по-тихому не выйдет.

Данила, шагая за батькой, прикидывал возможные варианты действий, исходя из опыта будущего. По идее, им следует скинуть где-нибудь мечи и кольчуги и затеряться в толпе у того же монастыря. Но выбросить меч! Свой меч. Даже Данила представить не мог, как он это сделает, а уж Воиславу он и предлагать такое не собирался. Вот и пришлось обережникам расхаживать по разбуженному городу в броне и при оружии. И главное, кровь, вонь и крестьянская одежда: в случае чего за обычных воинов тоже не сойдешь! Вдвойне плохо то, что среди людей стали мелькать не всадники, а пешие воины, парами. Это не конники, которые мимо проедут и не заметят, и на узких улочках у них все козыри на руках.

Опа! По ходу, вообще свалить не выйдет. Путь Даниле и Воиславу преградила небольшая толпа, которую назад отталкивал пяток солдат, шеренгой перегородивших улицу. А за ними возвышался всадник, размахивая кнутом, и орал:

– Назад! Чернь, а ну назад!

Грамотно, ничего не скажешь; солдаты гарнизона сейчас наверняка перекрыли квартал, тот самый, где обережники разогнали пятерых всадников, и сейчас быстренько прошерстят его на предмет чужаков.

Тут позади появились всадники, и много.

– Туда, – показал рукой Воислав.

Вдвоем они ломанулись в какой-то хлев, а может, хижину, по запаху не понять, внутри их встретила женщина, до головы замотанная в тряпки, которая, увидев, как непонятно кто ворвался в ее жилище, пронзительно завопила.

– Молчи, дура. – Воислав приблизил к ее лицу меч – этого хватило, но на улице уже заорали.

Обережники не без труда вырвались на следующую улочку, их подгонял шум погони, тоже продирающейся через хлев. К сожалению, в звуке шагов и хрусте глиняных черепков отчетливо слышался металлический лязг, значит, за ними идут не простые смерды.

Один выход из переулка вел на улицу, перекрытую солдатами, Воислав решил повернуть в другую сторону, и меньше чем через минуту они с Данилой оказались в вонючем тупике. Путь назад уже отрезали: шестеро воинов, в два ряда перекрыв дорогу, приближались, поднимая щиты и оцетинившись копьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.